

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

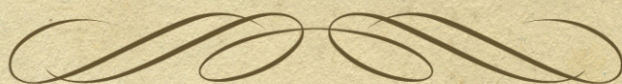

НАЙО

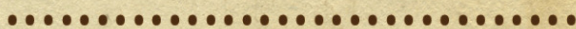

МАРШ

.....

ЧЕРНЕЕ ЧЕРНОГО

ВЕСЫ ФЕМИДЫ

Золотой век английского детектива

Найо Марш

Чернее черного. Весы Фемиды

«Издательство АСТ»

1955, 1974

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

Чернее черного. Весы Фемиды / Н. Марш — «Издательство АСТ», 1955, 1974 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-148719-5

В романе «Чернее черного» следователь-интеллектуал Родерик Аллейн должен раскрыть жестокое ритуальное убийство, совершенное в посольстве маленькой африканской страны в разгар торжественного приема. В распоряжении Аллейна – целая команда профессионалов, но главный его помощник на этот раз – маленькая черная кошка Люси... В маленьком городке, где хватает и скелетов в шкафах, и эксцентричных чудаков, и старушек, напоминающих мисс Марпл, произошло убийство. Имя жертвы – полковник Картаретт, и найден он на берегу реки рядом с легендарной гигантской форелью, которую давно мечтали поймать все местные рыболовы. Но не за это же его убили, в конце концов? Тогда – за что? Инспектор Аллейн начинает задавать вопросы и сразу понимает: лишь немногие тут готовы говорить правду...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-148719-5

© Марш Н., 1955, 1974
© Издательство АСТ, 1955, 1974

Содержание

Чернее черного	6
Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	41
Глава 4	55
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Найо Марш

Чернее черного. Весы Феиды

© Ngaio Marsh Ltd, 1955, 1974

© Перевод. В. Антонов, 2022

© Перевод. С. Ильин, наследники, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Чернее черного

Глава 1 Мистер Уипплстоун

1

Стояло весеннее утро, и Бог, надо полагать, пребывал в небесах, однако, на взгляд мистера Уипплстоуна, доказательства этого факта были пренебрежимо малы. Сэмюэль Уипплстоун чувствовал себя несчастным, несчастным бестолково и путано. Его преследовало видение двух массивных, отлитых из серебра георгианских соусников, сопровождаемое звуками прощальных речей. Мистер Уипплстоун покинул дипломатическую службу ее величества на манер, ставший для его коллег традиционным. Он даже подготовился внутренне к тому, что не придется больше вставать в половине восьмого утра, принимать душ, бриться, ровно в восемь завтракать; впрочем, что толку продолжать этот подснаповский перечень¹? Коротко говоря, он воображал, будто вполне готов к тому, чтобы уйти на покой, а теперь обнаружил, что никакого покоя ему не видать. Он оказался человеком, лишенным внутреннего двигателя. Человеком без цели в жизни. Конченным человеком.

В этот день он уже к десяти утра понял, что больше не способен выносить самодовольную привычку своей служебной квартиры. Именно в это время ее обыкновенно приходили «обслуживать» – ритуал, при котором он ранее обычно не присутствовал и исполнению которого служил теперь помехой.

Мистер Уипплстоун с удивлением обнаружил, что в течение двадцати лет обитал в унылом, гнетущем, темноватом и малопривлекательном жилище. До глубины души потрясенный этим неожиданным открытием, он вышел под весеннее лондонское небо.

Десятиминутная прогулка по парку настроения не подняла. Мистер Уипплстоун обошел стороной вливающийся под квадригу поток машин, увидел несколько неподобающе одетых верховых, миновал скопление алых и желтых тюльпанов и, пройдя под раздутыми ноздрями вырвавшихся на свободу стихий Эпстайна², покинул парк и направился в сторону Баронсгейт.

Окунувшись в безостановочную какофонию переключающих скорости и газующих машин, он вдруг подумал, что ему тоже теперь следует перейти на малую скорость, поискать какую-нибудь грязную стоянку и ждать – тут уподобление стало невыносимым, – когда за ним приедут с буксирным тросом и отволокут на свалку. Конечно, положение, в котором он оказался, вполне заурядно, но лучше оно от этого не становилось. С этими мыслями бывший дипломат прошагал с четверть часа.

От Баронсгейт к Каприкорнам ведет арочный проход, слишком низкий, чтобы принять в себя какое-либо движение, кроме пешеходного. Через проход можно выйти на улочку Каприкорн-Мьюз, а миновав ее, попасть на другую, Каприкорн-Плэйс. Мистер Уипплстоун проходил здесь множество раз, прошел бы и сегодня, если б не кошка.

¹ Подснап – персонаж романа Ч. Диккенса «Наш общий друг», напыщенный, преисполненный сознания собственной непогрешимости человек, скрупулезно соблюдающий все «положенные» нормы и правила. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Сэр Джейкоб Эпстайн (1880–1959) – английский скульптор.

Кошка выскочила из-под колес какой-то машины, дунула мимо него под арку и исчезла в дальнем конце прохода. И тут же послышался смешанный визг – тормозящей машины и живого создания.

Мистера Уиппистоуна такого рода происшествия всегда расстраивали. Более того, он просто терпеть не мог происшествий такого рода. Вообще говоря, он предпочел бы как можно скорее убраться отсюда и выбросить случившееся из головы. Однако вместо этого торопливо миновал проход и оказался на Каприкорн-Мьюз.

Автомобиль, грузовичок какой-то службы доставки, уже сворачивал на Каприкорн-Плэйс. Троица молодых людей, стоя у гаража, глазела на кошку, походившую на разлитую по асфальту тушь.

Один из троих приблизился к ней.

– Готова, – сказал он.

– Бедная киска! – прибавил другой, и все трое препротивнейшим образом загоготали.

Первый молодой человек занес ногу, словно собираясь перевернуть кошку на другой бок. К его изумлению и испугу, кошка ударила по ноге задними лапами. Молодой человек вскрикнул, нагнулся и протянул к кошке руку.

Но та уже стояла на всех четырех лапах. Она чуть покачалась, а затем вдруг метнулась вперед. К замершему на месте мистеру Уиппистоуну. У бедняжки, наверное, сотрясение мозга, решил он, или она с ума сошла от страха и боли. Длинным прыжком кошка взлетела мистеру Уиппистоуну на грудь, вцепилась коготками в пиджак и, как ни странно, замурлыкала. Кто-то говорил ему, будто кошки иногда мурлычат перед смертью. У этой были голубые глаза. Дюйма на два от кончика хвоста шерстка ослепительно белела, но все остальное тельце животного покрывала совершенная чернота. Вообще-то мистер Уиппистоун никакой особенной неприязни к кошкам не питал.

Зонт он нес в правой руке, поэтому рефлексивным жестом прикрыл кошку левой. И обнаружил, что она страшно худая, теплая и вся дрожит.

– От одной из ее девяти жизней только пшик остался, – осклабился юнец. И вся троица, гаденько хихикая, удалилась в гараж.

– О дьявольщина, – произнес мистер Уиппистоун, когда-то давным-давно считавший стародевичьи восклицания забавными.

С некоторым затруднением он переложил зонт в левую руку, вставил монокль и осмотрел беднягу. Она уже мурлыкала громче и лишь еле слышно мяукнула, когда пальцы коснулись ее плеча. Ну и что с ней теперь делать?

Да, собственно, ничего особенного. Серьезных увечий она не получила, живет, видимо, где-то по соседству, а у животных ее вида, как известно, чрезвычайно развит домашний инстинкт. Кошка между тем сунула голову сначала под пиджак мистера Уиппистоуна, а там и под жилет. Она скребла его лапами по груди. Освободиться от цепкого создания оказалось непросто.

Мистер Уиппистоун опустил свою ношу на тротуар.

– Ступай домой, – велел он.

Кошка смотрела на своего спасителя и словно бы мяукала – разевала рот, показывая розовый язычок, – но ни звука не издавала.

– Нет. – Пожилой джентльмен строго покачал головой. – Домой иди.

Кошка слегка шевельнулась, как будто намереваясь снова вспрыгнуть ему на грудь.

Мистер Уиппистоун повернулся спиной и быстро зашагал по Каприкорн-Мьюз. Почти побежал.

Улочка эта тихая, мощеная, очень пустынная. На ней стоят три гаража, упаковочное агентство, дюжины две маленьких викторианских домиков, крохотное быстро и четыре магазинчика. Приближаясь к одному из них, цветочному, он увидел в боковой витринке отражение

Каприкорн-Мьюз и себя самого, шагающего себе же навстречу. А за ним с решительным видом трусила кошка. Кошка мяукала.

Мистер Уиппстоун впал в полную растерянность и уже начал подумывать, не позвонить ли ему в Королевское общество защиты животных, когда прямо за его спиной из гаража вылетел грузовик. Грузовик пронесся мимо, а когда умчался, обнаружилось, что кошка исчезла. Испугалась шума, решил мистер Уиппстоун.

Сразу за цветочным магазином от противоположной стороны улочки уходит влево Каприкорн-Плэйс. Глубоко обеспокоенный мистер Уиппстоун свернул туда.

Приятная улица: узкая, чинная, солнечная и с хорошим видом; если взглянуть налево – верхушки деревьев и купол баронстейтской базилики. Чугунные ограды палисадничков, а за ними маленькие ухоженные георгианские и викторианские дома. Весенние цветы в ящиках под окнами. И откуда-то доносится запах только что сваренного кофе.

Женщины, приверженные чистоте, отдраивают ступеньки и дверные ручки. Хозяйки с корзинками для покупок отправляются по магазинам. Вот из дома вышел одного с мистером Уиппстоуном возраста багроволицый человек, от которого за версту несет армией. Прогрела коляска с важным младенцем, сопровождаемая эскортом из шестилетнего пешехода, женщины, исполняющей роль движущей силы, и большой собаки, – все они с целеустремленным видом направлялись к парку. Привычным маршрутом двигался почтальон.

Есть еще в Лондоне тихие, похожие на каприкорновские улочки, хотя существование их довольно шатко. Населяют их люди среднего класса, отчего, как мистеру Уиппстоуну было известно, к ним принято относиться с некоторым пренебрежением. Впрочем, мистер Уиппстоун и сам принадлежал к этому классу и потому подобных воззрений не разделял. Разумеется, тут редко что-либо происходит, но, с другой стороны, это место никак не назовешь утомительно эксцентричным, чрезмерно живописным или слишком нарядным: место скорее приятное, обладающее качеством, которое мистер Уиппстоун мог определить лишь как «игристость», по аналогии с вином. Он приближался к пабу с вывеской «Лик светила», добропорядочному, лишенному претензий заведению, стоявшему на выходе из Каприкорн-Плэйс к площади, Каприкорн-сквер: простая железная оградка, платаны, травка, одна-две скамейки, во всем чистота и порядок. От паба он повернул направо, направляясь к Каприкорн-Уок.

Навстречу ему державным шагом двигался дородный, черный как смоль джентльмен в превосходном костюме, ведущий на поводке белую афганскую борзую в алом ошейнике.

– Мой дорогой посол! – воскликнул мистер Уиппстоун. – Какая приятная встреча!

– Мистер Уиппстоун! – гулко отозвался посол Нгомбваны. – Очень рад вас видеть. Вы что же, живете в этих краях?

– Нет-нет, просто утренняя прогулка. Я... я, ваше превосходительство, теперь человек свободный.

– Да, конечно. Я слышал. Вас там будет очень не хватать.

– Сомневаюсь. А ваше посольство – совсем забыл – оно где-то здесь, рядом, не так ли?

– В Дворцовых Садах. Я тоже наслаждаюсь с Агманом утренней прогулкой. Хотя, увы, не только с ним. – Черный джентльмен повел изукрашенной золотом тростью по направлению к крупному мужчине, безучастно разглядывавшему платан.

– Увы! – согласился мистер Уиппстоун и, погладив афганца, не без изящества прибавил: – Каторга высокого положения.

– Как мило вы это сказали.

Мистеру Уиппстоуну, который исполнял в Министерстве иностранных дел чрезвычайно щекотливую работу, очень помогало в свое время умение разговаривать с иностранными, в особенности африканскими, чрезвычайными и полномочными представителями.

– Насколько я знаю, ваше превосходительство есть с чем поздравить, – сказал он и тут же разразился обычными в его профессии безглагольными восклицаниями: – Усиление сближения! Новый договор! Мастерское достижение!

– Это достижение нашего великого президента, и только его, мистер Уиппстоун.

– Да, разумеется. Все с восторгом ожидают предстоящего визита. Благоприятное событие.

– Вы правы. Событие огромного значения. – С секунду посол подождал отклика и затем слегка приглушил великолепные раскаты своего голоса. – Однако, – продолжил он, – не лишнее сопряженных с ним тревог. Как вы знаете, наш великий президент не приветствует внимания подобного рода. – Гигант снова повел тростью в сторону телохранителя и вздохнул. – Он ведь остановится в посольстве.

– Разумеется.

– Ответственность! – опять вздохнул посол и протянул руку, прощаясь. – Вы, разумеется, будете на приеме. Надо бы нам встречаться почаще! Я позабочусь о приглашении. Оревуар, мистер Уиппстоун.

Они разошлись. Проходя мимо посольского сопровождающего, мистер Уиппстоун тактично смотрел в другую сторону.

В том месте, где Каприкорн-Уок становится северо-восточной границей площади, мистеру Уиппстоуну попался на глаза маленький дом, стоящий между двумя другими, побольше. Выкрашенный поблескивающей белой краской – черной осталась только входная дверь, – дом состоял из мансарды, трех этажей и полуподвала. Окна второго этажа выходили на пару миниатюрных балкончиков, окна первого изгибались вверху изящными сводами. Мистера Уиппстоуна поразили цветочные ящики под окнами. Место привычных нарциссов в них занимали правильные зеленые гирлянды, способные украсить рельеф самого делла Роббиа³. То были какие-то вьющиеся растения, свисавшие между горшками, в которых они росли, и подстриженные так, что они расширялись в самом низу образуемой ими дуги и симметрично сужались к ее концам.

Двое рабочих с лестницей крепили к дому табличку.

Мистер Уиппстоун почувствовал, как подавленность понемногу покидает его. Люди, которым не приходится жить здесь, нередко говорят об особом «ощущении Лондона». Они рассказывают, как их, гулявших по лондонским улицам, внезапно охватывало счастье, душевный подъем, радостное возбуждение. Мистер Уиппстоун всегда относился к таким эмоциям с недоверием, однако приходилось признать, что в данном случае его несомненно посетило чувство странной раскрепощенности. И ему почему-то казалось, что чувство это породил в нем маленький дом – № 1, как он теперь увидел, по Каприкорн-Уок.

Он подошел поближе. Солнце сияло на каминных трубах и восточном скате крыши. «Хорошо поставлен, – подумал мистер Уиппстоун. – Зимой, смею сказать, все солнце достается ему». Его-то квартира смотрела на север.

Пока мистер Уиппстоун пересекал Каприкорн-Уок, по улице приблизился, насвистывая, почтальон. Он поднялся по ступенькам дома № 1, сунул что-то под бронзовый клапан на двери и спустился с крыльца так стремительно, что едва не столкнулся с мистером Уиппстоуном.

– Опля! – сказал почтальон. – Вот в чем моя беда, уж больно я ретивый. Правда, и утречко нынче отличное, разве нет?

– Да, – благоразумно согласился мистер Уиппстоун, хоть и мог бы с этим поспорить. – Утро хорошее. А что, люди, которые здесь живут... – Он замялся.

³ Лука делла Роббиа – итальянский скульптор эпохи Возрождения.

– Съехали. Еще на той неделе, – подтвердил почтальон. – Мне-то, понятное дело, никто ничего не сказал. Хотя могли бы и предупредить, ведь правда, сэр?

И, насвистывая, отправился дальше. Рабочие слезли с лестницы и тоже собрались уходить. Они уже прикрепили табличку.

ПРОДАЕТСЯ Все справки в фирме «Эйбл, Вертью и сыновья», Каприкорн-стрит, 17, Ю.3.7.

2

Каприкорн-стрит – это «главная» из каприкорновских улиц. Она шире и оживленнее остальных. Идет параллельно Уок, и, собственно говоря, здание, в котором обосновались господа Эйбл и Вертью, стоит спиной к спине с маленьким домом № 1.

– С добрым утром, – привычно проговорила пухлая дама, сидевшая за столом слева от входа, и с живым интересом добавила: – Чем могу вам помочь?

Мистер Уиппстоун задействовал самый уклончивый из регистров своего дипломатического органа, протемперировав его холодность толикой чудаковатости.

– Вы можете, если будете столь любезны, удовлетворить мое досужее любопытство, – сказал он, – касательно... э-э... дома номер один по Каприкорн-Уок.

– Уок, номер один? – повторила дама. – Да. Мы как раз повесили объявление. Продается с оговорками относительно полуподвала. Я, правда, не совсем уверена...

Она взглянула на сидевшего за столом справа молодого человека с прерафаэлитской прической. Молодой человек слушал, что ему говорят по телефону, и разглядывал свои ногти.

– Если вы о полуподвале номера один, – загудел он невидимому собеседнику, – то там сейчас временный жилец. – Вялой ладонью он прикрыл трубку. – Как раз по этому поводу, – сказал он и, убрав ладонь, снова зарокотал: – В подвале номера один в настоящее время живет владелец дома. Он хочет там и остаться. Предполагаемое соглашение состоит в том, что покупатель получает на дом полное право владения, а он, продавец, обращается в съемщика подвального помещения за согласованную плату и на согласованный срок.

Затем обладатель густого баса довольно долгое время молчал, слушая.

– Нет, – наконец сказал он. – Боюсь, это непременно условие. Вполне. Вполне. Спасибо, мадам. Всего доброго.

– Вот такая ситуация. – Дама перевела взгляд на мистера Уиппстоуна.

Мистер Уиппстоун, ощущая в голове некоторую легкость, осведомился:

– А какова цена?

Именно таким голосом он обычно произносил: «Этот вопрос можно решить на более низком уровне».

– Тридцать девять, кажется? – спросила дама у своего коллеги.

– Тридцать восемь.

– Тридцать восемь тысяч, – сообщила она мистеру Уиппстоуну.

У мистера Уиппстоуна перехватило дыхание, так что он сумел лишь присвистнуть, впрочем, вполне воспитанно.

– Неужели? – поднял брови он. – Вы меня изумили.

– Престижный район, – равнодушно отозвалась дама. – Недвижимость на Каприкорнах идет по цене выше номинальной. – И, взяв со стола какой-то документ, углубилась в его изучение.

Мистер Уиппстоун обиделся.

– А комнаты? – резко спросил он. – Сколько в нем комнат, исключая в данный момент полуподвал?

Равнодушные дамы и прерафаэлитского молодого человека как рукой сняло. Они заговорили одновременно и тут же извинились друг перед другом.

– Комнат всего шесть, – затараторила дама, – не считая кухни и обычных удобств. Драпировки и ковры на полах входят в цену. Обычное оборудование тоже – холодильник, плита и прочее. Большая гостиная со смежной столовой на первом этаже. Спальня хозяина и ванная комната с туалетом на втором. На третьем две комнаты, душ и туалет. Прежний съемщик использовал их под жилье для семейной пары.

– Вот как? – Мистер Уиппстоун постарался скрыть бурю чувств, разгулявшуюся у него где-то под диафрагмой. – Семейной пары? Вы хотите сказать?..

– Они его обихаживали, – пояснила леди.

– Прошу прощения?

– Ну, обслуживали его. Готовка, уборка. Существовало также соглашение, по которому они прибирались в полуподвале.

Тут вмешался молодой человек:

– Владелец надеется, что это положение удастся сохранить. Покупателю настоятельно рекомендуется подписать условие, в силу которого они и дальше будут еженедельно производить уборку в его помещениях. Но разумеется, это требование не является обязательным.

– Разумеется. – Мистер Уиппстоун негромко кашлянул. – Я хотел бы туда заглянуть.

– Конечно-конечно, – живо откликнулась дама. – Когда вам?..

– Сейчас, если вы не против.

– Я думаю, это возможно. Минуточку...

Она сняла телефонную трубку, а мистера Уиппстоуна вдруг охватила едва ли не паника. «Я с ума сошел, – подумал он. – А все эта чертова кошка». Он постарался взять себя в руки. В конце концов, он же не связал себя какими-либо обязательствами. Случайный порыв, каприз, порожденный, можно сказать, непривычным бездельем. Что в этом дурного?

Дама молча смотрела на него. Видимо, она уже успела что-то сказать.

– Прошу прощения, – выдавил мистер Уиппстоун.

Дама решила, что он глуховат.

– Дом открыт для осмотра, – старательно выговаривая слова, произнесла она. – Прежние съемщики съехали. Семейная пара остается до конца недели. Владелец у себя, в полуподвале. Мистер Шеридан! – выкрикнула она. – Так зовут владельца: Ше-ри-дан.

– Спасибо.

– Мервин! – крикнула дама, и из глубин конторы появился изможденный, нерешительного обличья юноша. – Номер один, Уок. Джентльмен с осмотром.

Она вытащила ключи и наградила мистера Уиппстоуна прощальной улыбкой.

– Это очень высококачественное помещение, – сказала она. – Уверена, вы со мной согласитесь.

Юноша, храня сокрушенный вид, проводил мистера Уиппстоуна до дома № 1 по Каприкорн-Уок.

«Тридцать восемь тысяч фунтов! – мысленно сетовал мистер Уиппстоун. – Господи боже, это невысказано!»

Каприкорн-Уок уже заливало солнце, искрившееся на бронзе дверного молотка и почтового ящика дома № 1. Стоя в ожидании на свежевыветенных ступеньках, мистер Уиппстоун заглянул во двор дома. Двор, это приходилось признать, кто-то совсем недавно преобразовал в бесхитростный и скромный, до смешного маленький садик.

«Псевдояпонский», – подумал он, панически пытаясь отыскать какой-нибудь изъян.

– Кто за всем этим ухаживает? – спросил он у юноши. – Хозяин полуподвала?

– Ага, – ответил тот.

«А сам и понятия не имеет», – подумал мистер Уиппстоун.

Юноша отворил дверь и отступил, пропуская мистера Уиппстоуна.

Небольшую прихожую и лестницу устилал вишневым ковер, хорошо сочетавшийся с устрично-белым глянцем стен. Та же гамма выдерживалась в приятно просторной гостиной. Большие, скругленные сверху окна закрывались шторами в белую и красную полосу, вообще весь интерьер казался замечательно светлым – редкость для лондонского жилища. Уже почти двадцать лет мистера Уиппстоуна неопределенно печалила мрачноватость его служебной квартиры.

Нежданно-негаданно ему явилось видение, которое человек менее умудренный, пожалуй, счел бы галлюцинацией. Он с совершенной ясностью увидел эту веселую гостиную уже обжитой принадлежащими ему вещами. Чиппендейловское бюро, малиновая софа с парным ей столиком, большой, красного стекла кубок, пейзаж кисти Агаты Трой, позднегеоргианский книжный шкаф – все они разместились здесь в полной гармонии. Когда юноша распахнул двойную дверь в маленькую столовую, мистер Уиппстоун с первого взгляда понял, что и стулья у него самого что ни на есть подходящего размера и стиля. Он отогнал от себя эти видения.

– Перегородки, сколько я понимаю, сдвигаются, объединяя комнаты? – спросил он, отважно изображая безразличие.

– Ага, – ответил юноша и сдвинул их. Затем раздернул на дальней стене красные с белым занавеси, отчего стал виден внутренний дворик с растениями в кадках.

– Солнце заслоняют, – надменно бросил пытавшийся сохранить ясную голову мистер Уиппстоун. – Зимой его, наверное, и вовсе видно не будет.

Впрочем, сейчас солнца было более чем достаточно.

– И сырость от них, – дерзновенно упорствовал мистер Уиппстоун. – Лишние траты, уход.

«Пожалуй, мне лучше попридержать язык», – подумал он.

Потенциального покупателя провели в кухню. Вполне современная кухня с выходящим в столовую окошком. «Как тесно!» – хотел сказать мистер Уиппстоун, но у него не хватило духу.

Лестница оказалась крутоватой, хоть это его утешило. Неудобно, когда несешь поднос или чемодан, и, предположим, кто-то умрет наверху, как его тогда вниз спустить? Однако он промолчал.

Вид, открывавшийся из доходящего до полу окна хозяйской спальни, обнимал на среднем плане площадь с «Ликом светила» слева на углу и дальше, направо, купол базилики. На переднем располагалась Каприкорн-Уок – укороченные прохожие, запаркованные автомобили, изредка – проезжающая машина. Мистер Уиппстоун открыл окно. В базилике звонили колокола. Двенадцать. Наверное, служба идет, решил он. Впрочем, шумным дом никак не назывешь.

Колокола смолкли. Откуда-то донесся голос незримого пока крикуна, повторявший одну и ту же ритмичную, все громче звучащую фразу. Понять ее смысл было невозможно, но голос приближался. Мистер Уиппстоун вышел на балкончик.

– Виточки вежие, – грянул голос, и из-за угла площади показалась ведомая под уздцы краснолицым мужчиной лошадь, запряженная в тележку, из которой свешивались, кивая, тюльпаны. Проходя мимо дома № 1, мужчина задрал голову.

– В любое время. Все свежие, – рявкнул он, глядя на мистера Уиппстоуна, и тот поспешно ретировался.

Его большой красный кубок в сводчатом окне, полный тюльпанов.

Мистер Уиппстоун не был человеком, склонным к актерству, однако, увлекаемый странным безумием, ныне охватившим его, он, отходя от окна, прихлопнул по воздуху ладонями, словно выпуская его на волю. И, обернувшись, оказался лицом к лицу с двумя незнакомцами, мужчиной и женщиной.

– Прощения просим, – сказали оба, а мужчина добавил: – Простите, сэр. Мы услышали, как открылось окно, и решили посмотреть, что тут такое. – Он оглянулся на юношу и спросил: – Квартиру показываете?

– Ага, – ответил юноша.

– А вы, – выдавил, умирая от стыда, мистер Уиппстоун, – вы, должно быть... э-э... наверху...

– Так точно, сэр, – по-военному отозвался мужчина. Его жена улыбнулась и слегка присела в книксене.

Они ходили друг на друга, круглолицые, с румяными щечками, голубоглазые, обоим лет примерно по сорока пяти, подумал он.

– Вы... как я понял... пока еще, э-э...

– Остались присматривать за порядком, сэр. Мистер Шеридан разрешил нам пожить здесь до конца недели. Это дает нам шанс подыскать другое место, сэр, если мы здесь не понадобимся.

– Я так понял, что вы теперь, э-э...

– Свободны, сэр? – быстро откликнулись оба, а мужчина продолжил: – Мы бы с удовольствием остались, если б была возможность. Мы тут прожили с прежними съемщиками шесть лет, сэр, нам тут хорошо. А фамилия наша Чабб, сэр, у нас и рекомендации есть, и хозяин, мистер Шеридан, который внизу, может про нас рассказать.

– Конечно-конечно! – со стремительной поспешностью произнес мистер Уиппстоун. – Я... э-э... пока не принял решения. Даже напротив. В сущности, просто зашел полюбопытствовать. Однако. В случае если я... в весьма маловероятном случае... буду рад... но пока... я еще не решил.

– Да, сэр, конечно. Не хотите заглянуть наверх, сэр?

– Что? – вскрикнул мистер Уиппстоун таким голосом, словно в него выстрелили из ружья. – А. Спасибо. Впрочем, отчего же? Пожалуй.

– Прошу прощения, сэр. Я только окно закрою.

Мистер Уиппстоун отступил в сторону. Мужчина потянулся к створке балконного окна. Но живое движение это вдруг прервалось, как если б заело кинолентку. Рука мужчины замерла, взгляд застыл на одной точке, рот приоткрылся.

Мистер Уиппстоун испугался. Он глянул вниз и увидел посла Нгомбваны, возвращавшегося с прогулки в сопровождении пса и телохранителя. На него-то и уставился Чабб. Что-то побудило мистера Уиппстоуна взглянуть и на женщину. Она тоже подошла к окну и тоже поверх мужнина плеча глядела на посла.

В следующий миг оба ожили. Чабб закрыл и запер окно и с услужливой улыбкой повернулся к мистеру Уиппстоуну.

– Я провожу вас, сэр? – спросил он.

Квартирка наверху оказалась опрятной, чистой, добропорядочной. Маленькая гостиная имела обличье более чем респектабельное и бесцветное, из этого тона выбивалась лишь большая фотография круглолицей девушки лет шестнадцати, привлекавшая внимание фестонами овившей ее черной ленты да стоявшими на столике под ней двумя вазами с высохшими импортерами. С нижнего края рамки свисало подобие фаянсового медальона. На стене висели еще две большие фотографии – Чабба в военной форме и миссис Чабб в подвенечном платье.

Вся обстановка здесь принадлежала, как выяснилось, Чаббам. Мистер Уиппстоун признавал, что оба встревоженно наблюдают за ним. Миссис Чабб сказала:

– Для нас это дом. Каприкорны такое хорошее место.

На какой-то пугающий миг ему показалось, что она того и гляди расплачется.

Он поспешил расстаться с Чаббами и покинуть вместе с юношей дом. Пришлось побороться с собой, чтобы снова не заглянуть в гостиную, однако он одержал победу и выскочил из двери на улицу, где его уже поджидала новая встреча.

– С добрым утром, – приветствовал мужчину, стоявший на ведущих в подвал ступеньках. – Вы, видимо, осматривали мой дом? Меня зовут Шериданом.

На первый взгляд в нем не было ничего примечательного, если не считать крайней бледности и лысины почти во всю голову. Невысокий, неприметно одетый, с правильной речью. Волосы, когда они у него еще имелись, были скорее всего темными, поскольку темными были и глаза, и брови, и волоски на бледных руках. У мистера Уиппстоуна возникло смутное, мимолетное и странно неприятное ощущение, что он уже видел когда-то мистера Шеридана. Последний между тем поднялся по подвальным ступенькам, вошел в калитку и приблизился к мистеру Уиппстоуну, которому, как человеку учтивому, оставалось лишь подждать его, стоя на месте.

– С добрым утром, – откликнулся мистер Уиппстоун. – Я просто проходил мимо. Случайный порыв.

– Весной это случается. – Мистер Шеридан немного шепелявил.

– Да, говорят, – не то чтобы резко, но решительно подтвердил мистер Уиппстоун и чуть шагнул вперед, намереваясь уйти.

– Ну и как вам, понравилось? – небрежно поинтересовался хозяин дома.

– О, очаровательно, очаровательно, – ответил мистер Уиппстоун, легкостью тона давая понять, что тема исчерпана.

– И хорошо. Я рад. С добрым утром, Чабб, можно вас на пару слов? – сказал мистер Шеридан.

– Конечно, сэ, – ответил Чабб.

И мистер Уиппстоун обратился в бегство. Юноша дошел с ним до угла. Здесь мистер Уиппстоун собирался его отпустить и направиться к Баронсгейт. Он обернулся, чтобы поблагодарить сопровождающего, и снова увидел дом с его гирляндами и нелепым садиком, теперь весь залитый солнцем. Ни слова не сказав, мистер Уиппстоун резко свернул налево и оказался у дверей фирмы «Эйбл, Вертью и сыновья, на три ярда опередив попутчика. Он вошел в контору и положил на стол пухлой дамы свою визитную карточку.

– Я желал бы иметь право первого выбора, – сказал он.

С этого мгновения все дальнейшее было предрешено. Нет, он вовсе не потерял головы. Он самым разумным образом навел справки, выяснил, как обстоят дела с арендой, канализацией и возможной необходимостью ремонта. Он проконсультировался со своим поверенным, с управляющим своего банка и со своим адвокатом. Трудно сказать, обратил бы он хоть какое-то внимание на их возражения, буде таковые имелись, однако возражений ни у кого не нашлось, и уже через две недели мистер Уиппстоун, к собственному нестихающему изумлению, переехал в новое жилище.

Своей жившей в Девоншире замужней сестре он написал следующее: «...ты, может быть, удивишься, услышав о перемене в моей жизни. Не ожидай от этого места чего-либо эффектного, это тихая заводь, полная стариковских причуд, как, собственно, и я сам. Ничего волнующего, никаких «хэппенингов», насилия, отвратительных демонстраций. Меня это устраивает. В моем возрасте предпочитаешь скупую на события жизнь, и именно такой жизнью, – этой фразой он закончил письмо, – я и предполагаю наслаждаться в доме № 1 по Каприкорн-Уок».

Пророком мистер Уиппстоун оказался никудышным.

3

– Все это чрезвычайно мило, – говорил суперинтендант Аллейн. – Но чем, собственно, намерена заниматься Специальная служба? Сидеть на растолстевших задах, размахивая нгомбванскими флагами?

– Что именно он сказал? – спросил инспектор Фокс. Речь шла об их начальнике, заместителе комиссара полиции.

– Будто вы сами не знаете! – откликнулся Аллейн. – «Его речей чарующих разумность – лишь шелуха парящих в горних дум».

– А что такое «горние», мистер Аллейн?

– Понятия не имею. Это цитата. Только не спрашивайте откуда.

– Да я просто так, поинтересовался, – смиренно сказал Фокс.

– Я даже не знаю, как это слово пишется, – сокрушенно признался Аллейн. – И что оно означает, уж если на то пошло.

– Может, оно как-то с горем связано?

– Тогда какой смысл во всей этой фразе? Никакого. Нет, тут речь скорее о горнах, хотя в них либо дудят, либо плавятся. Ну вот, теперь еще и вы меня расстроили, Братец Лис.

– Так, может, вернемся к комиссару?

– Хочешь не хочешь, а придется. Вся эта каша заварилась из-за предстоящего визита.

– Президента Нгомбваны?

– Его самого. Штука в том, дружище Фокс, что я знаком с президентом. И комиссару об этом известно. В школьные годы мы с ним жили в одном пансионе, в «Давидсоне». И целый год просидели на одних и тех же занятиях. Милый был паренек. Не всем он пришелся по вкусу, но мне понравился. Так что мы с ним были неразлейвода.

– Представляю себе, – протянул Фокс. – И комиссару, значит, хочется, чтобы вы трянули стариной.

– А я вам о чем толкую? Его вдруг осенило, что нам стоит встретиться – вроде бы и случайно, но при этом официально. Комиссару угодно, чтобы я втолковал президенту, что, если он не согласится на любую процедуру, которую сочтет уместной Специальная служба, его могут легко прикончить; во всяком случае, это породит ужасное беспокойство, смятение и тревогу на всех уровнях, от королевы и ниже. Причем изложить все это я должен, с вашего позволения, тактично. Они боятся, что президент обидится и станет публично выражать недовольство. Он, видите ли, чувствителен, словно актиния.

– Так он, значит, против обычных предосторожностей?

– Он всегда был упрям как осел. В колледже говорили, что если тебе требуется, чтобы старина Громобой сделал что-то, попроси его ни в коем случае этого не делать. К тому же он принадлежит к разряду пренеприятных людей, которые решительно ничего не боятся. И чертовски заносчив к тому же. Разумеется, он против. Он не желает, чтобы его защищали. Он желает изображать Гарун-аль-Рашида и слоняться по Лондону, оставаясь таким же неприметным, как угольный ящик в раю.

– Да, – рассудительно проговорил Фокс, – позиция не очень умная. Этот джентльмен – мишень номер один для любого охотника до покушений.

– Зануда – вот он кто. Конечно, вы правы. Каждый раз, как проталкивает очередной кусок своего промышленного законодательства, он обращается в мишень для какого-нибудь экстремиста. Черт подери, Братец Лис, да всего несколько дней назад, когда он надумал отправиться на Мартинику с широко разрекламированным визитом, какой-то прохвост выпалил в него в упор. Промазал и сам застрелился. Арестовывать было некого. А Громобой, радостно сверкая

глазами и зубами, покатил дальше, стоя на сиденье автомобиля, выставив напоказ свои шесть футов и пять дюймов, так что его эскорту каждый дюйм дороги показался милей.

– Похоже, он малый что надо.

– Тут я с вами спорить не стану.

– Совсем я запутался с этими зарождающимися нациями, – признался Фокс.

– Не вы один.

– Я хотел сказать – вот эта Нгомбвана. Что она собой представляет? Вроде бы независимая республика, но при этом как бы член Британского Содружества, однако если так, то почему она держит в Лондоне посла, а не полномочного представителя?

– Вот именно, почему? Главным образом благодаря маневрам моего закадычного друга Громобоя. Они все еще состоят в Содружестве. Более или менее. То есть, с одной стороны, состоят, а с другой – вроде бы и нет. Все формальности соблюдены, но при этом у них полная независимость. Все пышки и ни единой шишки. Потому-то он и настоял, чтобы его представитель в Лондоне именовался послом и жил в таких апартаментах, что и великой державе было бы незачем. Это исключительно его заслуга, старины Громобоя.

– А что думают о визите его люди? Здешние, из посольства. Посол и все прочие.

– Перепуганы до смерти, но при этом твердят, что с президентом не поспоришь, – с таким же успехом можно уговаривать ветер, чтобы не дул. Он вбил себе в голову – еще в те времена, когда учился здесь и потом практиковал в Лондоне в качестве барристера, – что раз Великобритания не имеет, сравнительно с прочими странами, серьезной истории политических покушений, значит, и в будущем их опасаться не приходится. И должен сказать, идея эта на свой безумный манер довольно трогательна.

– С другой стороны, он все равно не сможет помешать Специальной службе делать свое дело. Во всяком случае, вне посольства.

– Он может причинить им массу неудобств.

– Ну так какова процедура, сэръ? Вы дожидаетесь его прибытия и падаете ему в ножки прямо в аэропорту?

– Ничуть. Я вылетаю в его распроклятую республику завтра на рассвете, а вы тут в одиночку разгребаете дело Дагенхэма.

– Ну, спасибо. Привалило-таки счастье, – пробурчал Фокс.

– Так что я, пожалуй, пойду укладываться.

– Не забудьте взять старый школьный галстук.

– До ответа на эту глупую шутку я не снизойду. – Уже у двери Аллейн остановился. – Забыл спросить, – спохватился он. – Вам не приходилось встречаться с человеком по имени Сэм Уипплстоун? Из МИДа.

– Я в этих кругах не вращаюсь. А что?

– Он считался своего рода экспертом по Нгомбване. Кажется, недавно ушел на покой. Милый такой человек. Когда вернусь, надо будет пригласить его пообедать.

– Вы думаете, он мог сохранить какое-то влияние?

– Вряд ли можно ожидать, что он бухнется перед Громобоем на колени и станет умолять, чтобы тот пошевелил немного мозгами, если хочет их сохранить. И все же кое-какие смутные надежды у меня есть. До скорого, Братец Лис.

Сорок восемь часов спустя облаченный в тропический костюм Аллейн вышел из президентского «роллс-ройса», встретившего его в главном аэропорту Нгомбваны. Изнемогая от жары, он поднялся по грандиозной лестнице, вдоль которой спиной к нему замер строй руританских гвардейцев, и оказался в созданной кондиционерами прохладе президентского дворца.

Взаимодействие на высшем уровне принесло плоды в виде полновесного и мгновенного приема, какого достаиваются только «особо важные персоны».

– Мистер Аллейн? – поклонился молодой нгомбванец, украшенный золотыми кистями и аксельбантами адъютанта. – Президент так рад вашему приезду. Он примет вас сразу. Хорошо долетели?

Аллейн последовал за небесно-синим мундиром по роскошному коридору, из которого открывался вид на экзотический парк.

– Скажите, – спросил он по пути, – каким титулом полагается пользоваться, обращаясь к президенту?

– «Ваше превосходительство», – обернувшись, ответил адъютант. – Господин президент предпочитает эту форму обращения.

– Благодарю вас. – Аллейн вошел за своим поводырем во внушительных размеров приемную.

Весьма представительный, широко улыбающийся секретарь сказал что-то по-нгомбвански. Адъютант перевел:

– С вашего разрешения мы пройдем прямо к нему.

Двое стражей в щегольских мундирах распахнули двойные двери, и Аллейна ввели в необъятный зал, в дальнем конце которого сидел за громадным столом его старый школьный приятель Бартоломью Опала.

– Суперинтендант Аллейн, ваше превосходительство, господин президент, сэр, – торжественно провозгласил адъютант и удалился.

Его гигантское превосходительство уже не сидело, но приближалось к Аллейну легкой поступью профессионального боксера. Колоссальный голос взревел:

– Рори Аллейн, клянусь всем святым!

Ладонь Аллейна потонула в лапище президента, а спина получила несколько увесистых хлопков. Стоять навытяжку и кланяться, сгибая только шею, что, по представлениям Аллейна, отвечало этикету, оказалось делом затруднительным.

– Господин президент... – начал он.

– Что? Глупости, глупости! Фигня, дорогой мой, как мы выражались в «Давидсоне».

«Давидсоном» назывался пансион при прославленной школе, в которой оба некогда обучались. Громобой был слишком консервативен, чтобы заботиться о словах. Аллейн увидел, что он-то как раз надел старый школьный галстук. Больше того, на стене за президентской спиной висела в раме большая фотография «Давидсона» с группой мальчиков, в заднем ряду виднелись и они с Громобоем.

– Давай-ка присядем, – басил Громобой. – Куда бы нам? Да вот сюда! Садись, садись! Как я тебе рад!

Волосы его, похожие на циновку из стальной проволоки, уже начали сесть и напоминали теперь дамскую шляпку без полей. Огромный торс основательно раздался, белки глаз чуть налились кровью, но Аллейн, словно в двойной экспозиции, видел сквозь эту фигуру выточенного из черного дерева юношу, который сидит у камина, держа в руке бутерброд с анчоусом, и говорит: «Ты мой друг. До сих пор у меня здесь друзей не было».

– Как хорошо ты выглядишь, – восторгался президент. – И как мало переменялся! Куришь? Нет? Сигару? Трубку? Да? Ну так кури. Ты, разумеется, завтракаешь с нами. Тебе уже сказали?

– Я ошеломлен, – только и мог вымолвить Аллейн, когда ему наконец удалось вставить слово. – Еще минута – и я забуду все протокольные тонкости.

– Забудь о них прямо сейчас. Тут же нет никого. К чему они?

– Мой дорогой...

– ...Громобой. Ну-ка, выговори это слово. Я его уже сто лет не слышал.

– Боюсь, я едва не произнес его, когда вошел. Мой дорогой Громобой.

Президент просиял неожиданно щедрой улыбкой, производившей точь-в-точь такое же впечатление, как прежде.

– Вот и ладно, – негромко сказал он и, помолчав, добавил: – Видимо, мне следует спросить, что стоит за твоим визитом. Ваши официальные лица, как ты знаешь, не очень многословны. Они сообщили только, что ты приезжаешь и был бы не прочь меня повидать. Я, разумеется, страшно обрадовался.

«Да, задали мне задачу, – подумал Аллейн. – Одно неверное слово, и я не только провалю мою миссию, но, похоже, загублю старинную дружбу и даже посею семена политически опасного недоверия».

– Я приехал, чтобы кое о чем тебя попросить, и сожалею, что приходится досаждать тебе этим. Не стану притворяться, будто мое начальство не знает о нашей старой дружбе, которую я очень ценю. Разумеется, знает. Однако я согласился на поездку потому, что считаю эту просьбу разумной и тревожусь о твоей безопасности.

Какой-либо реакции пришлось дожидаться довольно долго. Казалось, упал некий занавес. Впервые с момента их встречи Аллейн, глядя на эту немного отвисшую челюсть, на мешки под лишенными блеска глазами, подумал: «Я разговариваю с негром».

– Ну да! – наконец произнес президент. – Я и забыл. Ты же полицейский.

– Пословица гласит: хочешь сохранить друга – не одалживай ему денег, не так ли? Я не верю в ее справедливость, но, если подставить вместо последних четырех слов «никогда не используй его в своих деловых интересах», я бы с ней спорить не стал. Однако то, что я сейчас делаю, вовсе не сводится к этому. Все гораздо сложнее. Моя конечная цель, верите вы этому, сэр, или не верите, состоит в том, чтобы сохранить вашу чрезвычайно ценную жизнь.

Снова повисло опасное молчание. Аллейн подумал: «Да, именно так ты и выглядел, когда думал, что кто-то тебе нагрубил. Тебя словно ледком покрывало».

Однако ледок растаял, и лицо Громобоя приобрело одно из самых приятных его выражений – такое, словно он увидел нечто забавное.

– Теперь я тебя понял, – сказал он. – Это ваши сторожевые псы, Специальная служба. «Пожалуйста, вразумите его, этого черномазого. Пусть он позволит нам изображать официантов, журналистов, уличных прохожих и почетных гостей, никто нас и не заметит». Так? Это и есть твоя великая просьба?

– Ты знаешь, я боюсь, что они так или иначе сделают это, сделают все, что смогут, с какими бы трудностями им ни пришлось столкнуться.

– Тогда к чему огород городить? Глупо же!

– Они были бы намного счастливее, если бы ты не стал вести себя, к примеру, так, как на Мартинике.

– А что я такого сделал на Мартинике?

– При всем моем глубочайшем уважении: ты настоял на серьезном сокращении мер безопасности и еле-еле увернулся от убийцы.

– Я фаталист, – внезапно объявил Громобой и, поскольку Аллейн не ответил, добавил: – Дорогой мой Рори, я вижу, придется тебе кое-что объяснить. А именно – что я собой представляю. Мою философию. Мой кодекс. Послушаешь?

«Ну вот, – подумал Аллейн. – Он изменился куда меньше, чем это представляется возможным». И, преисполнившись самых дурных предчувствий, сказал:

– Разумеется, сэр. Я весь внимание.

Объяснения при всей их пространности свелись к хорошо известной Аллейну по школе несговорчивости Громобоя, сдобренной и отчасти оправданной его несомненным даром завоевывать доверие и понимание своих соплеменников. Время от времени раздражаясь гомерическим хохотом, он подробно распространялся о махинациях нгомбанских экстремистов – и правых, и левых, – которые в нескольких случаях предпринимали серьезные попытки прикон-

чить его, каковые по каким-то мистическим причинам сводились на нет присущим Громобой обыкновением изображать из себя живую мишень.

– В конце концов они уразумели, – объяснил он, – что я, как мы выражались в «Давидсоне», на их собачий бред не куплюсь.

– Это мы так выражались в «Давидсоне»?

– Конечно. Неужели не помнишь? Излюбленное наше выражение.

– Ну пусть.

– Это же было твое любимое присловье. Да-да, – воскликнул Громобой, увидев, что Аллейн намеревается возразить, – ты то и дело его повторял. Мы все у тебя его и переняли.

– Давай, если можно, вернемся к нашему делу.

– Все до единого, – ностальгически продолжал Громобой. – Ты задавал в «Давидсоне» тон.

Тут он, по-видимому, заметил скользнувшее по лицу Аллейна выражение ужаса и, наклонясь, похлопал его по колену.

– Однако я отвлекся, – признал он. – Что, вернемся к нашим баранам?

– Да, – с великим облегчением согласился Аллейн. – Вернемся. К нашим.

– Твой черед, – великодушно объявил Громобой. – Что ты там говорил?

– Ты не думал о том – да нет, конечно, думал, – что тут произойдет, если тебя убьют?

– Как ты и сказал, конечно, думал. Цитируя твоего любимого драматурга – видишь, я не забыл, – последуют «отравленные тучи насилия, убийства, грабежа...». – Громобой произнес цитату с явным удовольствием и добавил: – И это еще слабо сказано.

– Да. Так вот, как ты должен был понять на Мартинике, риск не ограничивается территорией Нгомбваны. Специальной службе известно, действительно известно, что в Лондоне есть полубезумные, на все готовые экстремисты. Среди них имеются выходцы из совсем уж застойных болот колониализма, имеются и те, кого снедает ненависть к цвету твоей кожи. Попадают также люди, которых по-настоящему сильно обидели, люди, чьи обиды приобрели по причине безысходности самые уродливые очертания. Впрочем, не мне тебе обо всем этом рассказывать. Они существуют, их немало, они организованы и готовы действовать.

– Меня это не тревожит, – со способным довести до иступления самодовольством сообщил Громобой. – Нет, серьезно. Совершенно честно тебе говорю, ни малейшего страха я не испытываю.

– Я твоего чувства неуязвимости не разделяю, – сказал Аллейн. – Я бы на твоём месте обливался потом от страха. – Тут ему пришло в голову, что он и вправду думать забыл о дипломатическом протоколе. – Но пусть так. Примем твое бесстрашие за данность и вернемся к разрушительным последствиям твоей смерти для твоей же страны. Вот к этим самым «отравленным тучам». Неужели даже эта мысль не способна склонить тебя к осторожности?

– Но, дорогой мой, ты так и не понял. Никто меня не убьет. Я это точно знаю. Чую нутром. Мне просто-напросто не писано на роду пасть от руки убийцы, только и всего.

Аллейн открыл было рот, но смолчал и снова закрыл.

– Только и всего, – повторил Громобой и развел руки в стороны. – Ты понял! – торжественно воскликнул он.

– Ты хочешь сказать, – произнес Аллейн, тщательно подбирая слова, – что пуля в Мартинике, копье в глухой нгомбанской деревушке и пара-другая выстрелов в упор, которыми тебя время от времени награждали, – всем им было предназначено остаться безрезультатными?

– Дело не только в том, что в это верю я сам, дело в том, что мой народ – мой народ – в глубине души сознает, что так оно и есть. Это одна из причин, по которым меня каждый раз переизбирают, причем единогласно.

Аллейн не стал спрашивать, не является ли это также одной из причин, по которым никто пока не набрался безрассудной смелости выставить против него свою кандидатуру.

Громобой протянул здоровенную красивую руку и положил ее на колено Аллейна.

– Ты был и остался лучшим моим другом, – сказал он. – Мы были близки в «Давидсоне». Мы оставались близкими людьми, пока я изучал право и каждый день обедал в «Темпле». Мы и теперь близки. Но то, о чем мы сейчас говорим, связано с цветом моей кожи, с моей расой. Моей чернотой. Прошу тебя, дорогой мой Рори, не старайся понять, постарайся просто принять.

Единственным, что смог Аллейн ответить на такую просьбу, было:

– Все не так просто.

– Нет? Почему же?

– Если бы я говорил только о моей собственной тревоге за твою жизнь, я ответил бы, что не могу ни понять этого, ни принять, а ты как раз этого слышать от меня и не хочешь. Поэтому я вынужден вновь обратиться в получившего трудное задание упрямого полицейского и вернуться к прежним моим доводам. Я не состою в Специальной службе, но мои коллеги из этого отдела попросили меня сделать все от меня зависящее, что выглядит делом дьявольски сложным. Я обязан объяснить тебе, что их работа, чрезвычайно тонкая и немыслимо трудная, станет вдвое труднее, если ты не пожелаешь им помочь. Если тебе, например, внезапно захочется изменить маршрут, по которому ты должен следовать на какой-нибудь прием, или выйти из посольства, никому ничего не сказав, и отправиться подышать в одиночестве воздухом в Кенсингтонском парке. Грубо говоря, если тебя убьют, кое-кому в Специальной службе оторвут голову, а отдел в целом утратит всякое доверие, питаемое к нему на высшем и низшем уровнях, не говоря уж о том, что вековая репутация Англии как страны, в которой можно не бояться покушения на убийство по политическим мотивам, пойдет прахом. Как видишь, я обращаюсь к тебе не только от имени полиции.

– Полиция как институт, призванный служить народу... – начал Громобой, но осекся и, как показалось Аллейну, покраснел.

– Ты хотел сказать, что нам следует знать наше место? – мирно осведомился Аллейн.

Громобой поднялся и принялся мерить шагами комнату. Аллейн тоже встал.

– У тебя талант ставить человека в неудобное положение, – вдруг пожаловался Громобой. – Я это еще по «Давидсону» помню.

– Похоже, я был препротивным мальчишкой, – откликнулся Аллейн. Он чувствовал, что уже сыт «Давидсоном» по горло, да и что еще оставалось сказать? – Я отнял у вашего превосходительства слишком много времени, – произнес он. – Прошу меня простить.

И замолк, ожидая разрешения удалиться. Громобой скорбно уставился на него.

– Но ты же согласился позавтракать с нами, – напомнил он. – Мы договорились. Все уже подготовлено.

– Вы очень добры, ваше превосходительство, но сейчас только одиннадцать часов. Не могу ли я до того времени вас покинуть?

К полному своему смятению, он увидел, как налитые кровью глаза Громобоя заполняются слезами. С величавым достоинством гигант произнес:

– Ты меня расстроил.

– Мне очень жаль.

– Я так обрадовался твоему приезду. А теперь все испорчено и ты называешь меня «превосходительством».

Аллейн ощутил, как у него дрогнули уголки губ, и в то же время его охватило странное сострадание. Совершенно неуместное чувство, решил он. Аллейн напомнил себе, что президент Нгомбваны отнюдь не принадлежит к восторженным простачкам. Это хитрый, целеустремленный и порою жестокий диктатор, наделенный, что также следует признать, способностью быть верным другом. К тому же он – человек чрезвычайно наблюдательный. «И

забавный, – думал Аллейн, стараясь ничем своих мыслей не выдать. – При всем при том он безумно забавен».

– Ага! – внезапно взревел президент. – Ты смеешься! Мой милый Рори, ты смеешься! – И сам взорвался гомерическим хохотом. – Нет, это уж слишком! Согласись! Это же курам на смех! О чем мы спорим? Да ни о чем! Ладно, я буду послушным мальчиком. Буду вести себя хорошо. Скажи своим надутым друзьям из Специальной службы, что я не стану убежать, когда они начнут прятаться среди настурций на клумбе и переодеваться пожарными и дамами с собачками. Ну вот! Ты доволен? Да?

– Я счастлив, – кивнул Аллейн. – Если, конечно, ты говоришь серьезно.

– Серьезно-серьезно. Вот увидишь. Я буду сама благопристойность. В тех пределах, – присовокупил он, – на которые распространяется их незамысловатая ответственность. То есть в пределах Объединенного королевства. Годится? Да?

– Да.

– И никаких больше «превосходительств». Нет? Нет. – И не моргнув глазом – Громобой добавил: – Когда мы с тобой tête-à-tête⁴. Вот как сейчас.

– Как сейчас, – согласился Аллейн и был немедля пожалован радостным рукопожатием.

Оказалось, что перед тем как присоединиться к президенту за завтраком, ему предстоит совершить часовую поездку по городу. Вновь появился элегантный адъютант. Снова шагая с ним по коридору, Аллейн поглядывал сквозь доходящие до полу окна на ядовито-зеленый парк. Водяная вуаль череды фонтанов чуть приглушала пронзительные краски его цветов. За радугами взлетающей и опадающей воды различались расставленные через равные промежутки неподвижные фигуры в военной форме.

Аллейн приостановился.

– Какой прекрасный парк, – сказал он.

– О да! – улыбаясь, откликнулся адъютант. Отражения цветковых и световых пятен сада играли на его нижней челюсти и щеках, словно вырезанных из шлифованного угля. – Вам нравится? Президенту очень нравится.

Он переступил, словно собираясь двинуться дальше.

– Может быть, мы?.. – предложил он.

Вдали, за фонтанами, по саду маршировала шеренга солдат в красивых мундирах и при оружии – налево, направо, налево, направо. Размытые радужными каскадами воды, они различались с трудом, однако видно было, что маневрируют те не просто так, но сменяя прежних часовых.

– Смена караула, – заметил Аллейн.

– Верно. Это войска чисто церемониальные.

– Да?

– Как у вас в Букингемском дворце, – пояснил адъютант.

– Ну разумеется.

Они миновали величественный вестибюль и прошли через строй живописных гвардейцев у входа.

– И эти тоже чисто церемониальные? – поинтересовался Аллейн.

– Конечно, – подтвердил адъютант.

Вооружены они, как заметил Аллейн, – если не до зубов, то до поясницы – весьма действенным с виду оружием.

– Очень красивая экипировка, – учтиво сказал он.

– Президент будет рад узнать, что вы так считаете, – откликнулся адъютант, и оба вышли под ослепительные, жаркие лучи, бившие сверху, словно вода из душа.

⁴ Вдвоем, с глазу на глаз (*фр.*).

Прямо у ступеней лестницы их поджидал обильно изукрашенный изображениями герба Нгомбваны президентский «роллс-ройс» с развевающимся президентским флажком – неуместным, поскольку ехать в автомобиле на этот раз предстояло вовсе не президенту. Аллейна усадили на заднее сиденье, адъютант занял переднее.

Сидя за закрытыми окнами, в навеваемой кондиционером прохладе, Аллейн думал: «Это, конечно, не первая пуленепробиваемая машина, в которой мне приходится ехать, но зато уж самая непробиваемая». Он гадал, найдется ли во всей нгомбванской службе безопасности сила, превосходящая могуществом ту, что была порождена внезапно воскресшими воспоминаниями о «Давидсоне».

Они катили по городу, сопровождаемые двумя сверхъестественно проворными, пышно экипированными мотоциклистами. «Бритоголовые, хулиганье на мотоциклах, патрульные полицейские, вооруженный эскорт – что сообщает им всем, – размышлял Аллейн, – всякий раз, как они газуют и с ревом срываются с места, выражение угрожающей вульгарности?»

Машина неслась по заполненным людьми, безжалостно сверкающим улицам. У Аллейна отыскалось по нескольку добрых слов для каждого из огромных белых кошмаров – Дворца культуры, Дворца правосудия, Дворца городской администрации. Адъютант с полнейшим удовлетворением слушал его учтивые речи.

– Да, – соглашался он. – Все очень хорошие. Все новые. Построены при президенте. Очень замечательно.

Машин на улицах было много; замечалось, впрочем, что поток их расступается перед эскортом, будто Красное море перед Моисеем. На седоков президентского автомобиля глазели, но издали. Один раз, когда они резко свернули направо и на миг притормозили, задержанные встречной машиной, их шофер, не повернув головы, сказал незадачливому водителю что-то такое, отчего тот пошел испуганными морщинами.

Когда глазам Аллейна, женатого на художнице, представала какая-либо сцена, все равно какая, он видел ее словно бы двойным зрением. Будучи полицейским, прошедшим суровую выучку, он машинально выискивал в ней отличительные черты. Будучи человеком, проникшимся всеми тонкостями той манеры видеть окружающее, которая была присуща его жене, он искал созвучные элементы. Сейчас, погрузившись в толчею округлых черных голов, которые танцевали, перемещались, скапливались и расходились среди неумолимого зноя, он видел эту сцену такой, какой могла бы написать ее жена. Среди множества зданий постарше он выделил одно, которое как раз начали красить заново. Сквозь краску проступал призрак прежней надписи «импо тная о говля сансрита». Он увидел колоритную группу людей, движущихся вверх и вниз по ступеням здания, и подумал о том, как Трой, упростив их движение, переставив их и убрав ненужное, могла бы придать им ритмический смысл. Она бы нашла в их толпе фокальную точку, думал он, какую-нибудь фигуру, которая подчинила бы себе все остальные, фигуру первостепенной важности.

И в тот самый миг, как эта мысль пришла ему в голову, перестановка совершилась сама собой. Фигуры людей перетасовались, словно кусочки стекла в калейдоскопе, и выделили фокальную точку – человека, не заметить которого было нельзя, ибо то был неподвижно застывший, гротескно толстый мужчина с длинными светлыми волосами, облаченный в белый костюм. Белокожий.

Мужчина уставился на президентский «роллс». До него было не меньше пятидесяти ярдов, но для Аллейна они словно бы обратились в футы. Двое взглянули в глаза друг друга, и полицейский сказал себе: «К этому типу следует присмотреться. Явный мерзавец».

Калейдоскоп, щелкнув, смешался. Стеклышки скользнули, рассыпались и вновь собрались воедино. Поток людей, выливавшийся из здания, стекал по ступеням и расточался. Когда между фигурами вновь образовался просвет, белого человека в нем больше не было.

4

– Дело тут вот какое, сэр, – торопливо говорил Чабб. – В номере один работы на целый день все равно не хватает, и опять же нас здесь двое, вот мы и стали подрабатывать по соседству, временно. К примеру, миссис Чабб спускается через день вниз, к мистеру Шеридану, прибирается там, а я хожу к полковнику – тут на площади живут полковник и миссис Кокбурн-Монфор – каждую пятницу, на два часа, а воскресными вечерами мы сидим с ребенком в номере семнадцатом по Уок. И еще...

– Да, я понял, – сказал мистер Уиппстоун, надеясь остановить словоизвержение Чабба.

– Чтобы у нас тут какой недосмотр случился или неисправность, сэр, это ни в коем случае, – вставила миссис Чабб. – На нас никто не жалуется, сэр, честное слово, никто. Мы просто хотим с вами условиться.

– И конечно, сэр, жалование наше соответственно урезается. Мы ничего другого и не ожидаем, сэр, как можно?

Супруги стояли бок о бок с обеспокоенными круглыми лицами, тараща глаза и приоткрыв рты. Мистер Уиппстоун выслушал обоих, храня на лице врожденное выражение внимательной отрешенности, и в конце концов согласился на их предложение – что шесть дней в неделю Чаббы будут с утра полностью находиться в его распоряжении, включая завтрак, обед и ужин; что при условии поддержания дома в должном порядке они могут заниматься мистером Шериданом и кем им угодно по собственному усмотрению; что по пятницам мистер Уиппстоун станет обедать и ужинать в клубе или где-то еще и что жалование их, как выразился Чабб, «соответственно урезается».

– Большинство здешних, сэр, – принялся объяснять Чабб, когда эта договоренность была в основном достигнута и они перешли к обсуждению мелких деталей, – пользуются кредитом в «Неаполе». Возможно, и вы предпочтете иметь дело с ними.

– А насчет мясника, – вступила миссис Чабб, – так тут есть...

И они подробно поведали об удобствах, с которыми сопряжена жизнь на Каприкорнах.

– Все это звучит весьма привлекательно, – заметил мистер Уиппстоун. – Знаете, я, пожалуй, пойду прогуляюсь и заодно огляжусь.

Так он и сделал.

«Неаполем» назывался один из четырех магазинчиков, стоявших на Каприкорн-Мьюз. В качестве «магазина» он был сведен до абсолютного минимума: узкой полоски пола, на которой покупатели стояли гуськом, да и то не больше восьми человек зараз, если они соглашались потесниться. Владела магазинчиком итальянская чета – смуглый, всегда чем-то озабоченный муж и такая же смуглая, полная и веселая жена. В помощниках у них состоял здоровенный шутливый кокни.

Магазинчик оказался очень мил. Владельцы сами солили бекон и ветчину. Мистер Пирелли изготавливал по собственному рецепту паштет и замечательно вкусный террин. Сыры предлагались просто великолепные. Бутылки сухого «Орвьето» и других итальянских вин теснились на верхних полках. Другие полки были уставлены разного рода экзотическими деликатесами. Обитатели Каприкорнов частенько высказывались в том смысле, что «Неаполь» – это карманный «Фортнум». Собак в магазин не допускали, но снаружи у дверей были предусмотрительно вделаны в стену крючья для поводков, и по утрам вдоль стены располагался целый собачий собор, состоявший из представителей самых разных пород.

Мистер Уиппстоун обогнул собак, вошел в магазин и купил многообещающего вида кусок камамбера. В магазине присутствовал уже виденный им на улице багроволицый мужчина с армейской выправкой, неизменно одетый в безупречный костюм и перчатки; мистер Пирелли, обращаясь к нему, называл его «полковником». «Монфор?» – подумал мистер Уип-

плстоун. С ним была его супруга. Устрашающая дама, решил привередливый мистер Уиппстоун, с физиономией беспутного клоуна и чересчур расфуфыренная. На лицах обоих запечатлелось выражение старательной осмотрительности, которое мистер Уиппстоун приписал опасному воздействию сокрушительного похмелья. Дама, вытянувшись и замерев, стояла за спиной мужа, но, когда мистер Уиппстоун приблизился к прилавку, отшагнула в сторону и врезалась в него, вонзив ему в ступню острый каблук.

– Виноват! – болезненно вскрикнул он и приподнял над головой шляпу.

– Ничего, не страшно, – сдавленно ответила дама, бросив на мистера Уиппстоуна взгляд, для описания которого ему удалось отыскать только два слова – «плотоядный» и «непроспавшийся».

Муж ее обернулся и, видимо, счел необходимым завязать разговор.

– Не очень-то тут поманеврируешь, – гаркнул он. – Что?

– Вполне, – ответил мистер Уиппстоун. Он открыл кредит и вышел из магазина, намереваясь продолжить свои исследования.

Вскоре он оказался на том самом месте, где ему повстречалась черная кошка. Большой грузовик задом въезжал в гараж. Мистеру Уиппстоуну почудилось вдруг, что он краем глаза заметил быстро метнувшуюся тень, а когда грузовик затих, вроде бы даже услышал, почти услышал, бестелесный, жалобный вскрик. Однако никаких подтверждений эти фантазии не получили, и он, странно взволнованный, пошел дальше.

В самом конце Мьюз, за проулком, находится что-то вроде пещеры, бывшей прежде конюшней и затем переделанной в лавочку. В описываемое нами время здесь обитала толстая, злобного обличья женщина, лепившая из глины свиней, предназначенных служить либо упором для входной двери, либо – у этих на боках изображались розы и маргаритки, а в спинах имелись дырки – сосудами для сметаны, а то и вазами для цветов, это уж какая кому приспееет фантазия. Размеры свиней менялись, но общее их устройство оставалось всегда одинаковым. Печь для обжига стояла у задней стены пещеры, и, когда мистер Уиппстоун заглянул вовнутрь, толстая женщина вперилась в него из темноты неподвижным взглядом. Над входом висела вывеска: «Кс. и К. Санскрит. Свиньи».

«Истинно коммерческая прямота», – подумал мистер Уиппстоун, усмехаясь собственной шутке. Интересно, к какой национальности может принадлежать человек, носящий фамилию Санскрит? К итальянской, наверное. И что это за «Кс.» такое? Ксавье? «Зарабатывать на жизнь, бесконечно воспроизводя глиняных свиней?» – подивился он. – Да, но что напоминает мне эта странная фамилия?»

Сознавая, что укрытая тенью женщина по-прежнему глядит на него, он свернул в сторону Каприкорн-Плэйс и направился к розоватого кирпича стене на дальнем конце этой улочки. Через проем в стене можно было, покинув Каприкорны, выйти на узкий, идущий вдоль пределов базилики проход, от которого ответвляется проулок, выводящий пешехода к Дворцовым Садам во всей их красе. Здесь воздымает свой гордый фасад посольство Нгомбваны.

Мистер Уиппстоун полюбовался розовым флагом с изображением зеленого копья и солнца и мысленно обратился к ним с речью. «Да, – сказал он, – вот и ты, и желаю тебе оставаться здесь подольше». Тут он вспомнил, что в скором, хоть и не определенном пока времени, но безусловно в ближайшем будущем, если, конечно, не случится ничего ужасного, посол и все присные его начнут, бесконечно переругиваясь, готовиться к государственному визиту их непредсказуемого президента и выискивать за каждым деревом злоумышленников. Специальная служба примется изводить всех и вся дотошными жалобами, а МИД немного встряхнется, хотя бы отчасти утратив свою вечную невозмутимость. «Я-то со всем этим покончил, чему следует только радоваться. И пора бы мне свыкнуться с этой мыслью. Так я полагаю», – прибавил он. И мистер Уиппстоун, ощутив легкий укол боли, повернул к дому.

Глава 2

Люси Локетт

1

Уже больше месяца мистер Уиппстоун жил в своем новом доме. Жил уютно и мирно, однако дремотным назвать его существование было нельзя. Напротив, смена обстановки словно бы пробудила его. Он уже совершенно прилачился к жизни в Каприкорнах. «В сущности, – писал он в своем дневнике, – Каприкорны похожи на деревушку, обосновавшуюся в самом центре Лондона. В магазинах раз за разом сталкиваешься все с теми же людьми. Теплыми вечерами местные жители гуляют по улицам. Можно заглянуть в «Лик светила», и тебе поднесут, я рад это признать, весьма приличный, да что там, просто превосходный белый портвейн».

Дневник мистер Уиппстоун вел уже несколько лет. До нынешней поры он ограничивался сухим изложением фактов, временами приправленным иронией, которой он отчасти прославился в МИДе. Однако теперь его записи – сказывалось влияние новой обстановки – стали более пространными, порой даже игривыми.

Стоял теплый вечер. Окно в кабинете было открыто, шторы раздвинуты. Закатный свет, пронизавший платаны и воспламенивший купол базилики, уже блекнул. В воздухе витали ароматы свежеспелых садилов, приятные звуки шагов вперемешку с негромкими голосами врывались в окно. Приглушенный рев Баронсгейт казался далеким, всего лишь фоном, подчеркивавшим царившую здесь тишину.

Мистер Уиппстоун положил ручку, позволил моноклю выпасть из глазницы и с удовольствием оглядел комнату. Все чудесным образом встало по местам. Старая мебель благодаря уходу Чаббов положительно сияла. Красный кубок мерцал на подоконнике, а пейзаж Агаты Трой, казалось, светился собственным светом.

«До чего же все замечательно», – думал мистер Уиппстоун.

В доме было очень тихо. Чаббы, насколько он понимал, отправились по своим вечерним делам, впрочем, они приходили и уходили столь неслышно, что сказать что-либо наверняка было невозможно. Пока он возился с дневником, до него доносились какие-то шаги на ведущих в полуподвал железных ступеньках. Мистер Шеридан был у себя, принимал гостей.

Мистер Уиппстоун выключил настольную лампу и подошел к окну. Только два человека и виднелись на улице – мужчина и женщина, приближавшиеся со стороны Каприкорн-сквер. Свет из раскрытых дверей «Лица светила» на миг окатил их, позволив мистеру Уиппстоуну разглядеть обоих получше. Оба оказались неумеренно толстыми, что же до женщины, в ней проглянуло что-то знакомое.

Толстяки приближались, погружаясь в тень платанов и вновь выходя из нее. Повинуясь смешному порыву – как будто он за ними подглядывал! – мистер Уиппстоун немного отступил от окна. Женщина, казалось, смотрела ему прямо в глаза: мысль нелепая, поскольку видеть его она не могла.

Теперь он понял, кто это: миссис или мисс Кс. Санскрит. А ее спутник? Брат или супруг? Почти наверное брат. Свиновоятели.

Они уже покинули тень и, облитые светом, пересекали Уок. И он наконец увидел обоих во всей их кошмарной красе.

Жуткое впечатление создавалось не только тем, что Санскриты заплывли жиром настолько, что могли бы позировать друг дружке в качестве натурщиков для их скульптур-

ных творений, и не тем, что разряжены были совершенно непристойным образом. В наши отличающиеся вседозволенностью дни никакой наряд чрезмерно непристойным не кажется. И не только в том было дело, что мужчина носил браслеты на запястьях и лодыжках, ожерелье и серьги, что волосы его спадали из-под расшитой головной повязки, словно болотные водоросли. Не только в том, что женщина (лет пятидесяти, не меньше, подумал мистер Уиппстоун) напялила великанские шорты из черной кожи, черную шнурчатую блузу и черные сапоги. Сколь ни чудовищными выглядели эти гротескные украшения, они совершенно меркли в сравнении с глазами и ртами Санскритов, густейшим образом накрашенными у обоих, как с почти паническим чувством увидел теперь мистер Уиппстоун.

«Им здесь не место, – подумал он, неосознанно стараясь защитить нормальность Каприкорнов. – Людям вроде них. Таким следует жить в Челси. Или где-то еще».

Они пересекли Уок. И уже подходили к дому. Он еще немного отступил от окна. Щелкнула калитка, они спустились по железным ступенькам. Мистер Уиппстоун услышал, как внизу звякнул дверной звонок. Услышал голос мистера Шеридана. Гостей впустили.

«Ну и дела! – подумал он, мысленно перейдя на язык своей юности. – Это уж слишком! А выглядит вполне приличным человеком».

Это он вспомнил о своей краткой встрече с мистером Шериданом.

В конце концов он уселся в кресло и раскрыл книгу. Хоть не шумят они там, внизу, и на том спасибо. Звуков снизу доносилось немного, вернее сказать, совсем никаких не доносилось. Возможно, размышлял он, Санскриты являются медиумами. Возможно, мистер Шеридан – приверженец спиритизма или состоит в каких-нибудь «посвященных». У этих-то как раз такой вид. Если не хуже. Он выбросил их из головы и погрузился в мемуары прежнего главы своего отдела. Не слишком увлекательное чтение. Обложка с помпой сообщала о десятилетнем интервале, который пришлось выдержать со дня смерти автора, прежде чем приступить к публикации. «Бог его знает почему, – думал мистер Уиппстоун. – Одряхлевший зануда не мог сообщить ничего способного возмутить душевный мир даже самой впечатлительной старой девы».

Внимание мистера Уиппстоуна то и дело отвлекалось. Он вдруг осознал, что его почти неосознанно тревожит что-то, некий звук, которого он предпочел бы не слышать, нечто ассоциируемое с озабоченностью и тревогой. Где-то на улице мяукала кошка.

«Пф!» – подумал он, если, конечно, можно подумать «пф!». Похоже, Лондон просто кишит кошками. Вообще-то на каприкорновских улицах он встречал немало этих изнеженных домашних любимцев. В «Лике светила» имелась одна – большая, пестрая, и в «Неаполе» тоже проживала этакая белая недотрога. Кошки.

Звук приблизился. Теперь кошка мяукала совсем рядом. Он бы, пожалуй, сказал, что бедняга сидит на тротуаре, глядя на его дом. А то и на него самого. И мяукает. Настойчиво. Мистер Уиппстоун прилагал большие усилия, чтобы не обращать на нее внимания. Он вновь уставился в книгу. Может, включить погромче радио, чтобы заглушить этот звук? Звук между тем еще усилился. Мяуканье, поначалу далекое и прерывистое, стало теперь настойчивым и близким.

«Не стану я выглядывать в окно, – в отчаянии думал мистер Уиппстоун. – А то еще заметит».

«Вот черт! – воскликнул он три минуты спустя. – И как только людям не стыдно выгонять кошку на улицу! Надо будет пожаловаться!»

Прошло еще три минуты, и он, хоть и противясь этому всеми фибрами души, все же выглянул в окно. И ничего не увидел. Кошачьи жалобы звучали так близко, что мистер Уиппстоун проникся опасениями за свой рассудок. Ну конечно же, она на крыльце! Вот она где. На ступеньках, ведущих к его входной двери. «Нет! – решил он. – Нет, это совсем ни к чему. Это следует прекратить. Тут и опомниться не успеешь, как...»

Он и опомниться не успел, как уже проскочил прихожую и принялся возиться с дверным запором. Поскольку Чаббы отсутствовали, цепочка была не накинута; впрочем, едва он самую малость приотворил дверь, как мимо его ноги – он и сделать-то ничего не успел – тенью метнулось какое-то тощее существо.

Мистер Уиппстоун впал в театральный гнев. Он захлопнул дверь и прислонился к ней спиной, уставясь на незваную гостью.

Да, он знал это с самого начала. История, если можно назвать историей происшествие всего лишь месячной давности, повторялась. Приняв жалкое обличье маленькой черной кошки, все той же, но теперь совсем изможденной – глаза ее были мутны, шерсть торчала дыбом. Кошка сидела, глядя на него и, как прежде, разевая рот, но уже беззвучно. Мистера Уиппстоуна только на то и хватало, чтобы в ужасе взирать на нее. Внезапно задние лапы кошки дрогнули, и она проделала тот же фокус, что и в прошлый раз, – вскочила ему на грудь.

Когда ладонь мистера Уиппстоуна коснулась тощего кошачьего тельца, он поразился, откуда у нее взялись силы для прыжка. Кошка мурлыкала, сердце ее, казалось, билось прямо под его пальцами.

«Это уж слишком, – повторял он, неся кошку в гостиную. – Возьмет вот и помрет, хорошенькая выйдет история».

После минуты путаных размышлений он снес ее на кухню и, по-прежнему придерживая рукой, вытащил из холодильника молоко, налил немного в блюдце, добавил из крана горячей воды и, поставив блюдце на пол, посадил кошку рядом. Поначалу ему показалось, что она – мистер Уиппстоун был почему-то уверен, что это не кот, а кошка, – молока не заметила: она приникла к полу, глаза ее оставались полузакрытыми. Он пододвинул блюдце поближе. У кошки дрогнули усы, и она с такой внезапностью, что мистер Уиппстоун едва не подпрыгнул, принялась лакать – жадно, лихорадочно, как будто внутри у нее заработал некий обезумевший двигатель. На мистера Уиппстоуна она оглянулась только один раз.

Блюдце он пополнял дважды. Последней порции кошка не одолела. Подняла мокрую от молока мордочку, посмотрела на него, сделала неуверенную попытку умыться, но тут же плюхнулась на пол и заснула.

Некоторое время спустя он услышал, как из квартиры внизу расходятся гости. Вскоре после этого в дом вошли почти неслышные, как обычно, Чаббы. Мистер Уиппстоун уловил лишь легкий звон накидываемой дверной цепочки. Ему пришло в голову, что они, возможно, «обихаживали» мистера Шеридана с его гостями.

– Э-э... это вы, Чабб? – позвал он.

Чабб открыл дверь кухни и застыл на пороге, круглощекий, румяный, за ним маячила жена. Мистера Уиппстоуна удивила некоторая боязливость, сквозившая в их лицах.

– Посмотрите-ка на нее, – сказал он.

Чабб уже смотрел, без приглашения. Кошка лежала, будто тень, на коленях мистера Уиппстоуна.

– Кошка, сэр, – предположительным тоном высказался Чабб.

– Приблудная. Я с ней уже встречался раньше.

Из-за спины мужа послышался голос миссис Чабб:

– А это не опасно, сэр? Вид у нее какой-то нездоровый.

– Просто изголодалась.

Миссис Чабб пощелкала языком.

– Больно она тихая, сэр, правда? – озабоченно нахмурился Чабб. – Уж не померла ли?

– Она спит. Полбутылки молока вылакала.

– Вы меня извините, сэр, – подала голос миссис Чабб, – но только вы бы ее лучше не трогали. Вы же не знаете, где она раньше была, верно, сэр?

– Верно, – согласился мистер Уиппстоун и добавил странно дрогнувшим голосом: – Я знаю только, где она теперь.

– Хотите, Чабб от нее избавится, сэр?

Это предложение показалось мистеру Уиппстоуну отвратительным, однако ответить он постарался по возможности спокойно:

– Нет, я думаю, не стоит. Утром я сам о ней позабочусь. Позвоню в Общество защиты животных.

– Я только к тому, сэр, что, если вы ее выставите, она отправится туда, где живет.

– А то еще, – предложил Чабб, – я могу снести ее в садик на заднем дворе. Вроде как на ночь.

– Да, – выдавил мистер Уиппстоун, – спасибо. Не беспокойтесь. Я что-нибудь придумаю. Спасибо.

– Спасибо, сэр, – бессмысленно откликнулись Чаббы.

Поскольку сразу они не ушли и поскольку мистер Уиппстоун пребывал в несколько растрепанном состоянии, он, к собственному удивлению, поинтересовался:

– Приятно провели вечер?

Ответа не последовало. Подняв глаза, мистер Уиппстоун обнаружил, что слуги молча таращатся на него.

– Да, сэр, спасибо, – еще немного помолчав, сказали оба.

– И прекрасно! – воскликнул он с фальшивой сердечностью, напугавшей его самого. – Превосходно! Спокойной ночи, Чабб. Спокойной ночи, миссис Чабб.

Когда слуги удалились, мистер Уиппстоун погладил кошку. Она открыла затуманенные глаза – или уже не такие затуманенные? – вопросительно дрогнула и снова заснула.

Чаббы прошли на кухню. Он ясно слышал, как открылся холодильник, как вода полилась из крана. «Блюдце моют», – виновато подумал он.

Мистер Уиппстоун подождал, когда Чаббы поднимутся вверх, и после этого сам воровато проскользнул на кухню, держа кошку в руках. Он вдруг вспомнил, что не доел эскалоп, приготовленный миссис Чабб на ужин.

На сей раз кошка проснулась и основательно подзаправилась эскалопом.

Чтобы попасть в садик за домом, нужно было пройти коридором и спуститься по довольно крутым ступенькам. С кошкой на руках это оказалось не простым делом, так что спуск получился изрядно шумным, хорошо еще, помог свет, проникавший из-за штор на окнах полуподвальной квартиры мистера Шеридана. Этот же свет помог мистеру Уиппстоуну отыскать у дальней стены дворика клочок земли, на котором ничего не было посажено. Туда он и опустил свою ношу.

Он подумал, что кошка может скакнуть в темень и удрать, однако нет: после довольно долгой паузы она занялась тем, ради чего ее сюда принесли. Мистер Уиппстоун тактично отвернулся.

Сквозь щелку между шторой и оконной рамой за ним наблюдал кто-то невидимый.

Тень на шторе почти наверняка принадлежала мистеру Шеридану, почти наверняка он-то и подглядывал в щелку, исчезнувшую чуть ли не сразу за тем, как обернулся мистер Уиппстоун. Тень тоже исчезла.

В этот же миг легкий шум вверху заставил его поднять взгляд к верхнему этажу дома. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как закрывается окно в спальне Чаббов.

Разумеется, предположение, будто и они следили за ним, было беспочвенным.

«Что-то у меня воображение разыгралось», – подумал мистер Уиппстоун.

Легкое ритмичное шкрябанье заставило его обернуться к кошке. С прижатыми ушами и с ревностным сосредоточением, красноречиво свидетельствующим о ее способности восстанавливать силы, кошка ликвидировала учиненный ею беспорядок. Затем последовали скрупу-

лезные гигиенические процедуры, покончив с которыми она подмигнула мистери Уиппстоуну и потерлась похуже на орех головкой о его лодыжку.

Он поднял ее с земли и вернулся в дом.

2

В фешенебельном и довольно дорогом зоологическом магазине, расположенном сразу за углом Баронстейт, имелась консультационная комната, в которой по средам принимал ветеринарный хирург. Мистеру Уиппстоуну как-то попалось на глаза его объявление, так что на следующее утро, как раз пришедшееся на среду, он вместе с кошкой отправился туда. Чаббам он сообщил об этом со всей сдержанностью и немногословностью, какие сумел приобрести за сорок лет дипломатической службы. Будь мистер Уиппстоун человеком менее рафинированным, мы могли бы, пожалуй, сказать, что в его действиях обозначилась некоторая вороватость.

Он сказал Чаббам, что собирается «отнести животное туда, где о нем позаботятся». Чаббы пришли к заключению, что это эвфемизм, заменивший слово «усыпить», и он не стал их разубеждать. Также не счел он необходимым упоминать и о том, что «животное» провело ночь на его кровати. Кошка разбудила его на рассвете, тронув лапкой за лицо. А потом поиграла с ним, перекатываясь с боку на бок и поглядывая на него из-под лапы. А когда вошел с утренним завтраком на подносе Чабб, кошка позволила набросить на себя одеяло, за что чуть позже была вознаграждена блюдом молока. Мистер Уиппстоун спустился вниз, прикрывая ее номером «Таймс»; улучив минуту, выпустил через заднюю дверь в садик и лишь после этого привлек к ней внимание миссис Чабб. Кошка к тому времени уже громко требовала, чтобы ее пустили.

И вот теперь он сидел на мягкой скамье в крохотной приемной плечом к плечу с несколькими баронстейтскими дамами с собачками. Ближайшей его соседкой оказалась та самая, что отдала ему ногу в «Неаполе», миссис Монфор, как он впоследствии выяснил, полковничиха. С того случая они при встречах желали друг дружке доброго утра, пожелали и теперь. В общем и целом она производила на мистера Уиппстоуна жутковатое впечатление, хотя и не столь сильное, как ваятельница свиней. Разодетая, по обыкновению, в пух и прах, миссис Монфор держала на коленях пекинеса, который, бросив на кошку мистера Уиппстоуна один-единственный презрительный взгляд, повернулся к ней спиной. Кошка, впрочем, и вовсе смотрела сквозь него.

Мистер Уиппстоун отчетливо сознавал, что смахивает со стороны на персонаж какой-то комедии. Единственным вместилищем для кошки, какое удалось отыскать Чаббам, оказалась старая птичья клетка, в которой некогда обитал их ныне покойный попугай. Сидевшая в ней кошка имела вид чрезвычайно разгневанной, а нянчившийся с ней мистер Уиппстоун с моноклем в глазу – и вовсе глупый. Некоторые из дам обменялись насмешливыми взглядами.

– Как зовут киску? – спросила сверхделовитая ассистентка хирурга, держа наготове карандаш и блокнот.

Мистер Уиппстоун понял, что если скажет «не знаю» или «никак пока не зовут», он окончательно падет в глазах всех этих женщин.

– Люси, – ответил он и, словно спохватившись, добавил: – Локетт.

– Чудненько! – весело откликнулась ассистентка и записала имя в блокнот. – Вам ведь не было назначено, так?

– Боюсь, что нет.

– Ничего, Люси долго ждать не придется.

Из приемной хирурга появилась женщина с крупным сердитым короткошерстным котом на руках.

Шерсть новоокрещенной Люси встала дыбом. Она издала звук, позволявший заключить, что терпение ее лопнуло. Кот на руках женщины взвыл. Собаки обменялись несколькими многомысленными гортанными замечаниями.

– О боже! – Женщина улыбнулась мистеру Уиппстоуну. – Замолчи Бардольф, не будь идиотом.

Когда они ушли, Люси задремала, а миссис Монфор поинтересовалась:

– Ваша кошечка очень больна?

– Нет! – почти выкрикнул мистер Уиппстоун и поспешил объяснить, что Люси кошка приبلудная и очень изголодавшаяся.

– Как вы мило о ней заботитесь, – одобрила миссис Монфор. – Некоторые ужасно обращаются с животными, я просто заболеваю, когда это вижу. Так уж я устроена. – Она повернулась к мистеру Уиппстоуну: – Я Криссе Монфор. Мой муж военный, знаете, с таким красным лицом. Полковник Монфор.

Загнанному в угол мистеру Уиппстоуну пришлось представиться.

От миссис Монфор тянуло густыми духами и джином.

– Я знаю, – игриво сказала она, – вы здесь человек новый, верно? Номер один по Уок? Ваш Чабб приходит к нам по пятницам.

Мистер Уиппстоун, обладатель безупречных манер, поклонился настолько низко, насколько позволила птичья клетка.

Миссис Монфор улыбнулась ему и положила руку в перчатке на клетку. В этот миг за спиной мистера Уиппстоуна открылась дверь. Улыбка миссис Монфор застыла, словно уголки губ ее прихватили булавками. Она отдернула руку и уставилась прямо перед собой.

В магазин вошел совершенно черный мужчина в ливрее с белой афганской борзой на алом поводке. Мужчина остановился, оглядывая комнату. На скамье, по другую сторону от миссис Монфор, имелось свободное место. По-прежнему глядя перед собой, она подвинулась так, что ни справа, ни слева от нее достаточного пространства не осталось. В тот же миг и мистер Уиппстоун подвинулся, увеличив расстояние между собой и соседкой, и жестом пригласил мужчину присесть. Мужчина сказал: «Спасибо, сэр» – и остался стоять. На миссис Монфор он не взглянул. Гончая потянулась носом к клетке. Люси не проснулась.

– На твоём месте я бы не подходил к ней слишком близко, дружок, – сказал мистер Уиппстоун и погладил пса. – Мы с тобой знакомы, – продолжал он. – Ты из посольства, верно? Агман.

– Люси Локетт? – произнесла, появляясь из двери, ассистентка хирурга. – Мы с нетерпением ожидаем ее.

Консультация получилась короткой, но исчерпывающей. Люси Локетт оказалось месяцев семь от роду, температура нормальная, парша, глисты и паразиты отсутствуют, она сильно истощена и потому пребывает далеко не в лучшем состоянии. Тут ветеринар немного заколебался.

– У нее несколько шрамов, – сказал он, – и сломанное ребро, которое, правда, уже успело срастись. О ней плохо заботились и, боюсь, даже мучили. – И, заметив выражение ужаса на лице мистера Уиппстоуна, хирург весело добавил: – Впрочем, ничего такого, с чем не справятся таблетки и хорошее питание.

Еще он отметил, что у кошки удалены яичники. Она наполовину сиамка, наполовину бог знает кто, сказал он, ероша шерсть Люси и поворачивая ее так и этак. Он рассмеялся, увидев белый кончик хвоста, и сделал Люси укол.

Люси вытерпела это недостойное обращение с полнейшим равнодушием, но, едва ее отпустили, вспрыгнула своему защитнику на руки и проделала уже привычный фокус, засунув голову под пиджак и прижавшись к его сердцу.

– Привязалась к вам, – улыбнулся ветеринар. – У этих животных развито чувство благодарности. Особенно у кошечек.

– Я ничего в них не смыслю, – поспешно откликнулся мистер Уиппстоун.

Уговоры продавца зоомагазина и обуявшая мистера Уиппстоуна растерянность привели к тому, что на обратном пути он купил кошачью корзинку, фарфоровую тарелочку с надписью «Кискина миска», гребешок, щетку и ошейник, на который здесь же заказал металлическую бирку с надписью «Люси Локетт, Каприкорн-Уок, 1» и номером своего телефона. Продавец продемонстрировал ему также маленькую красную шлейку для прогулок и заверил, что если хозяин проявит немного терпения, кошка вскоре согласится ее носить. Он примерил шлейку на Люси, результат оказался настолько симпатичным, что мистер Уиппстоун купил и шлейку тоже.

Оставив клетку в магазине и сказав, что за ней зайдут, тяжело нагруженный мистер Уиппстоун с Люси за пазухой поспешил домой, предвкушая встречу с Чаббами и призывая на помощь весь свой дипломатический опыт. Он и не думал, что несет под пиджаком собственную судьбу.

3

– Очаровательно, просто очаровательно, – повторял мистер Уиппстоун, поворачиваясь от хозяина дома к хозяйке, слегка наклоняя голову и горбя плечи – манера, некогда широко распространенная среди людей его профессии. – Я в совершенном восторге.

– Подлейте себе, – сказал Аллейн. – Я ведь предупредил, что приглашаю вас не без задней мысли, так?

– Готов, готов ко всему, но, повторяю, это было очаровательно. И портвейн превосходный.

– Я вас оставляю, – предложила Трой.

– Нет, зачем же, – возразил Аллейн. – Если всплывет что-нибудь сверхсекретное и конфиденциальное, мы тебя сами выставим. А так ты лишь украсишь наше общество, не правда ли, мистер Уиппстоун?

Мистер Уиппстоун разразился речью о том, какое удовольствие он испытывает, каждый вечер созерцая «Трой» над своим камином, и сколько радости ему доставляет возможность созерцать саму художницу у ее собственного очага. Он немного запутался, но все же вышел из положения с честью.

– Но когда же, – спросил он в завершение речи, – мы перейдем к вашей задней мысли?

– В общем, уже пора, – ответил Аллейн. – Это отнимет некоторое время.

По предложению Трой они перебрались вместе с портвейном в ее стоящую отдельно от дома студию и уселись перед широким окном, выходящим на окутанный сумерками лондонский парк.

– Я хочу выдоить из вас кое-какие сведения, – сказал Аллейн. – Вы ведь были чем-то вроде эксперта по Нгомбване?

– По Нгомбване? Я! Это слишком сильно сказано, мой дорогой. Я провел там три года в молодости.

– Мне казалось, что совсем недавно, когда она получила независимость...

– Да, меня посылали туда. На переходный период – думаю, главным образом потому, что я знаю язык. До некоторой степени я сделал его чем-то вроде моей специальности.

– Вы и теперь его помните?

– Опять-таки до некоторой степени. Да, пожалуй. Помню. – Он взгляделся в Аллейна поверх стакана. – Вы, случаем, не перебрались в Специальную службу?

– Превосходный образчик мгновенной дедукции. Нет, не перебрался. Но можно сказать, что меня неофициально подключили к ней на какое-то время.

– На время предстоящего визита?

– Да, пропади он пропадом. Соображения безопасности.

– Понимаю. Работа трудная. Кстати, вы же должны были в одно время с президентом учиться в... – начал мистер Уиппстоун, но сам себя перебил: – Значит, наверху решили, что вы сможете привнести в отношения с ним личную нотку.

– Как быстро вы делаете выводы! – заметила Трой, и мистер Уиппстоун благодарно хмыкнул.

– Я с ним виделся три недели назад, – сказал Аллейн.

– В Нгомбване?

– Да. Давил на него как только мог.

– Что-нибудь выдавили?

– Ничего стоящего. Хотя нет, не так. Он обещал не противиться нашим мерам предосторожности, однако, что он при этом имел в виду, остается тайной. Я бы сказал, что мы с ним еще хлебом горя.

– Итак? – Мистер Уиппстоун, откинувшись на спинку кресла, принялся раскачивать на ленточке монокль – жест, как понял Аллейн, вошедший в привычку у человека, полжизни проведенного за столом переговоров. – Итак, мой дорогой Родерик?

– Вы согласны помочь мне?

– Определенно.

– Я был бы очень вам благодарен, если бы вы – как это теперь говорится? – накачали меня общими сведениями о Нгомбване. Вашими личными впечатлениями. Например, много ли людей, по-вашему, имеют причины желать смерти Громобоя?

– Громобоя?

– Таково, как их превосходительство не уставали напоминать мне, было его школьное прозвище.

– Что ж, оно ему подходит. В общем и целом я бы остановился на цифре двести, это самое малое.

– О господи! – воскликнула Трой.

– А не могли бы вы, – спросил Аллейн, – назвать несколько имен?

– Честно говоря, нет. Конкретных имен назвать не могу. Но опять-таки если говорить вообще, это обычная история во всех африканских государствах, ставших недавно независимыми. Прежде всего речь идет о нгомбанских политических противниках президента, которых ему удалось одолеть, – те, что уцелели, либо сидят по тюрьмам, либо обосновались в нашей стране и ждут его свержения или смерти в результате успешного покушения.

– Специальная служба тешит себя надеждой, что в ее распоряжении имеется практически полный список этих людей.

– Не сомневаюсь, – сухо откликнулся мистер Уиппстоун. – Мы тоже ею тешились, пока в один прекрасный день на Мартинике некий, решительно никому не известный, обладатель поддельного британского паспорта не выпалил в президента из револьвера, однако промахнулся и затем с куда большим успехом выстрелил себе в голову. Никакого досье на этого человека не имелось, так что личность его остается неустановленной и поныне.

– Я напомнил Громобоя об этом случае.

Мистер Уиппстоун не без лукавства сообщил Трой:

– А знаете, он информирован гораздо лучше моего. Как по-вашему, чего он от меня добивается?

– Понятия не имею. Но продолжайте. Я по крайней мере совсем ничего не знаю.

– Так вот. Среди его африканских врагов имеются и экстремисты, которым была не по вкусу его умеренность в начальную пору и особенно нежелание единым махом вышвырнуть из страны всех европейских советников и официальных лиц. То есть вам предстоит иметь дело еще и с кучей неприемлющих белых людей террористов, когда-то выступавших за независимость, но теперь готовых произвести полный поворот кругом и уничтожить правительство, которое они сами помогали создать. Число их последователей неизвестно, однако число это, безусловно, не малое. Но, дорогой мой, вы же и сами все это знаете.

– В последнее время он высылает все больше белых, не так ли? Хочется ему того или не хочется.

– Его вынуждают к этому крайние элементы.

– Итак, – подытожил Аллейн, – картина возникает знакомая и, видимо, неизбежная. Национализация всех иностранных предприятий и присвоение собственности, находившейся в руках европейских и азиатских колонистов. В среде которых мы обнаруживаем людей, охваченных самым ярким негодованием.

– Именно так. И у них есть все основания негодовать. Многие оказались разорены. Весь их образ жизни разрушен, а ни к какому иному они приспособиться не могут.

Мистер Уиппстоун почесал пальцем нос.

– И должен сказать, – добавил он, – хоть вам и без меня это известно, среди них попадаются очень неприятные личности.

– А зачем он сюда приезжает? – спросила Трой. – Я о Громобое.

– Официально затем, чтобы обсудить в Уайтхолле насущные потребности его развивающейся страны.

– Причем Уайтхолл изображает невероятную радость, а люди Специальной службы зеленеют от дурных предчувствий.

– Вы сказали «официально», мистер Уиппстоун? – переспросила Трой.

– Я так сказал, миссис Аллейн? Да. Да, из относительно надежных источников просочились слухи, что президент надеется провести с несколькими соперничающими компаниями переговоры о передаче им управления месторождениями нефти и меди, отобранными у прежних владельцев, потративших огромные средства на их разработку.

– Совсем весело! – откомментировал Аллейн.

– Я не хочу, конечно, сказать, – мирно продолжил мистер Уиппстоун, – что лорд Карали, или сэр Джулиус Рафаэл, или кто-то из их ближайших помощников способны организовать гибельное для президента покушение.

– И на том спасибо!

– Однако за спинами этих августейших особ теснится множество озлобленных держателей акций, администраторов и тех, кто на этих месторождениях работал.

– Среди которых вполне может обнаружиться какой-нибудь поклонник тактики плаща и кинжала. И помимо всех этих людей, обладающих более или менее очевидными мотивами, – продолжал Аллейн, – существуют еще те, которых полицейские не любят сильнее всего, – фанатики. Какой-нибудь ненавистник чернокожих, одинокая женщина, которой снится черный насильник, человек, соорудивший себе личного черного антихриста, или тот, кому любой чернокожий сосед представляется угрозой его существованию. Люди, с языка которых то и дело слетают фразочки вроде «черная образина, черномазая сволочь, надо б черней, да некуда, вот отдам тебя черному человеку». Черный значит плохой. И точка.

– А для Черных Пантер точно так же звучит слово «белый», верно? – вставила Трой. – Это война образов.

Мистер Уиппстоун, испустив негромкий, уютный вздох, вновь занялся портвейном.

– Хотел бы я знать, – пробормотал Аллейн, – какая доля этого абсолютного антагонизма таится под темной кожей самого старины Громобоя.

– На тебя он, во всяком случае, не распространяется, – сказала Трой и, не услышав ответа, спросила: – Я права?

– Мой дорогой Аллейн, насколько я понял, по отношению к вам он продемонстрировал самые дружеские чувства.

– О да! Да, конечно. Они из него били фонтаном. И знаете, мне чрезвычайно неприятна мысль о том, что струи могли послужить завесой для куда менее приятных чувств. Глупо, не правда ли?

– Строить предположения касательно отношений, не являющихся четко обозначенными, значит совершать большую ошибку, – объявил мистер Уиппстоун.

– А где вы видели другие отношения?

– Да, пожалуй, нигде. Мы, разумеется, делаем что можем посредством договоров и соглашений, но, вероятно, вы правы.

– Он старался, – сказал Аллейн. – Поначалу он старался создать своего рода многорасовое общество. Он считал его жизнеспособным.

– Вы с ним касались этой темы? – спросила Трой.

– Ни единым словом. Да ее и не следовало касаться. Мое задание было и без того слишком щекотливым. Знаете, у меня создалось впечатление, что его роскошное гостеприимство по крайней мере отчасти вдохновлялось желанием... ну, скомпенсировать пережесты нового режима.

– Очень может быть, – согласился мистер Уиппстоун. – Хоть наверняка и не скажешь. Аллейн вынул из нагрудного кармана несколько сложенных листков бумаги.

– Специальная служба передала мне список коммерческих и профессиональных фирм, а также отдельных личностей, изгнанных из Нгомбваны, с примечаниями относительно тех их прошлых обстоятельств, которые могут выглядеть хотя бы в малой мере подозрительными.

Он опустил взгляд на листки.

– Фамилия Санскрит вам что-нибудь говорит? – спросил он. – Кс. и К. Санскриты, если точнее. Дорогой мой, что с вами такое?

Мистер Уиппстоун нечленораздельно вскрикнул, поставил стакан с портвейном, хлопнул в ладоши и ударил себя по лбу.

– Эврика! – воскликнул он. – Вот оно! Ну наконец-то! Наконец-то!

– Рад за вас, – озадаченно проговорил Аллейн, – и с удовольствием выслушаю все остальное. Что вы такое вспомнили?

– «Санскрит, импортная и торговая компания, Нгомбвана».

– Так и есть. Вернее, было.

– На авеню Эдуарда Седьмого.

– Точно, там я ее и видел, только теперь улица называется как-то иначе. И Санскрита вытурили из страны. Но почему вы так взволновались?

– Потому что я его видел вчера вечером.

– Что?

– Да, скорее всего, это были они. Они похожи, как две препротивные свиньи.

– Они? – переспросил Аллейн, бросая взгляд на жену, в ответ мгновенно скосившую глаза к носу.

– Как же я мог забыть! – риторически восклицал мистер Уиппстоун. – В свое время я каждый день проходил мимо этого дома.

– Вижу, вас лучше не перебивать.

– Дорогая моя миссис Аллейн, дорогой Родерик, прошу вас, простите меня, – порозовев, взмолился мистер Уиппстоун. – Я должен объяснить, чем вызвана моя неуместная экстравагантность. Видите ли...

И он объяснил, рассказав обо всем, включая и мастерскую по производству свиней, с точностью, которой так не хватало первым его восклицаниям.

– Признайте, – сказал он, закончив рассказ, – что это удивительнейшее совпадение.

– Да уж, – вздохнул Аллейн. – А хотите послушать, что имеет сказать об этом человеке, о К. Санскрите, Специальная служба?

– Еще бы я не хотел!

– Ну так слушайте. Кстати говоря, это что-то вроде сокращенного изложения его досье, обнаруженного одним из людей Фреда Гибсона в Криминальном архиве. «Санскрит, Кеннет – ни больше ни меньше. Возраст: около 58. Рост: 5 футов, 10. Вес: 16 стоунов, 4. Очень толст. Волосы светлые, длинные. Манера одеваться: эксцентричная, ультрасовременная. Браслеты, в том числе и ножные, ожерелья. Пользуется косметикой. Возможно, гомосексуалист. Носит в проколотом ухе кольцо. Происхождение: неопределенное. Называет себя голландцем. Фамилия, вероятно, представляет собой искажение какого-то иностранного имени. Осужден за мошенничество с элементами оккультизма: Лондон, 1940. Отсидел три месяца. Подозревался в связях с транспортировкой наркотиков, 1942. С 1950-го занимался импортом керамики, драгоценностей и галантереи в Нгомбвану. Крупное, очень доходное предприятие. Владел несколькими кварталами жилых домов и офисов, ныне перешедшими в собственность Нгомбваны. Убежденный сторонник апартеида. Известен связями с расистскими и африканскими экстремистами. Единственный известный родственник: сестра, совместно с которой он в настоящее время владеет гончарной фирмой «Свинарник», Каприкорн-Мьюз, Юго-Запад, 3».

– Ну вот видите! – Мистер Уиппстоун развел руки в стороны.

– Да. Вижу, хотя и не так чтобы ясно. У нас нет конкретных оснований для предположения, что Санскрит представляет угрозу безопасности президента. Это, впрочем, относится и к остальным именам из списка. Взгляните на него. Никого больше не припоминаете? Никаких совпадений?

Мистер Уиппстоун вставил в глазницу монокль и просмотрел список.

– Да, разумеется, – сдержанно сказал он. – Разочарованные африканцы, изгнанники. Нет, мне нечего добавить. Боюсь, дорогой мой, что, помимо сообщения о странном совпадении, в силу которого один из ваших полуподозреваемых оказался моим соседом, никакой иной пользы я вам принести не смогу. Да, говоря всерьез, и с этим соседом какая от меня польза? Трость надломленная⁵, – вздохнул он. – Увы, это все, что обо мне можно сказать.

– Как знать, как знать, – откликнулся Аллейн. – Кстати, посольство Нгомбваны находится где-то в ваших краях, не так ли?

– Да, так. Время от времени я даже сталкиваюсь с Карумбой, их посланцем. Мы с ним выходим прогуляться примерно в одно время. Приятный человек.

– Обеспокоен?

– Я бы сказал – ужасно.

– И были бы правы. Он места себе не находит от страха и доставляет Специальной службе чертову уйму хлопот. И что еще хуже, он теперь мертвой хваткой вцепился в меня. То, что к службе безопасности я никакого касания не имею, его не интересует. Он, видите ли, волнуется! Я же знаком с Громобоем, и этого достаточно. Он хочет, чтобы я научил Специальную службу, как ей следует действовать. Представляете? Будь его воля, у них уже из каждой орнаментальной плевательницы торчал бы датчик тревожной сигнализации, а под кроватью Громобоя располагался пост службы безопасности. Хотя, должен сказать, я его не виню. Прием-то ему придется устраивать. Вы, я полагаю, приглашены?

– Да, приглашен. А вы?

⁵ Исайя, XXXVI, 6: «Вот, ты думаешь опереться на Египет, на эту трость надломленную, которая, если кто опрется на нее, войдет тому в руку и проколет ее! Таков фараон, царь Египетский, для всех уповающих на него».

– В совершенно ненужной мне роли одноклассника Громобоя. Вместе с Трой, разумеется. Собеседники обеспокоенно смолкли.

– Конечно, – сказал наконец мистер Уиппстоун, – в Англии подобного не случается. Да еще на приемах. Сумасшедшие все больше прячутся по кухням или еще где-нибудь.

– Или у окон в верхнем этаже какого-нибудь склада?

– Вот именно.

Зазвонил телефон. Трой вышла, чтобы ответить.

– Видимо, мне следует воздержаться от малоприятного замечания насчет того, что все-де рано или поздно случается в первый раз.

– Ну что за глупости! – взволновался мистер Уиппстоун. – Глупости, дорогой мой! Уверю вас! Глупости! Хотя, конечно, – смущенно добавил он, – говорят и такое.

– Будем надеяться, что это неправда.

Вернулась Трой.

– Посол Нгомбаны, – сказала она, – хочет переговорить с тобой, дорогой.

– Да благослови Господь его курчавые седины, – пробормотал Аллейн, возводя глаза к потолку.

У самой двери он остановился.

– Кстати, Сэм, вот вам еще одно совпадение по части Санскрита. Сдается мне, я тоже видел его – три недели назад, в Нгомбване, он стоял во всех его браслетах и серьгах на ступенях своего прежнего заведения. Или это был единственный и неповторимый Санскрит, или я сам – перемещенный голландец в бусах и локонах.

4

У Чаббов Люси особых возражений не вызвала.

– Раз она здорова, сэр, – пожал плечами миссис Чабб, – так чего же я буду возражать. Пускай мышей отпугивает.

Всего за неделю Люси удивительным образом расцвела. Шерстка стала лоснистой, глаза яркими, и вся она округлилась. Привязанность кошки к мистеру Уиппстоуну становилась все более явственной, и он уже начал опасаться – что и отметил в своем дневнике, – как бы ему не обратиться в трясущегося над ней старого дурака. «Очаровательная зверушка, – писал он. – Признаюсь, ее внимание мне льстит. А какие у нее милые повадки». Милые повадки состояли в том, что Люси не спускала с хозяина глаз; что, когда он приходил домой после часового отсутствия, встречала его так, словно он возвратился с Северного полюса; что она носилась по дому, задрыв хвост и разыгрывая изумление при встречах с ним, и что по временам, охваченная внезапным приливом чувств, кошка хватала его за руку передними лапами и, падая на спину, молотила по ней задними, притворялась, будто вот-вот укусит, а после облизывала руку, громко мурлыча.

Иметь какое-либо дело с красной шлейкой она наотрез отказалась, но зато сопровождала мистера Уиппстоуна во время вечерних прогулок – к немалому его испугу, во всяком случае, поначалу. Впрочем, Люси хоть и убегала вперед, чтобы выскочить на него из какой-нибудь засады, от собственно улицы держалась подальше, так что совместные походы вскоре вошли у них в привычку.

Только одно обстоятельство огорчало обоих, обстоятельство весьма любопытное. Люси с довольным видом прогуливалась по Каприкорн-Мьюз, но лишь до тех пор, пока они не проходили мимо гаража и не оказывались ярдах в тридцати от свинодельной гончарни. Дальше кошка не шла ни в какую. Она либо удирала домой на собственный страх и риск, либо проделывала знакомый трюк – вспрыгивала мистеру Уиппстоуну на руки. В этих случаях он с огор-

чением обнаруживал, что Люси вся дрожит. Он решил, что кошка запомнила происшедший с ней несчастный случай, однако это умозаключение почему-то удовлетворяло его не вполне.

«Неаполя» она тоже побаивалась – из-за привязанных снаружи собак, однако во время одной из прогулок в магазинчике покупателей не оказалось, стало быть, отсутствовали и собаки, так что Люси зашла вместе с хозяином вовнутрь. Мистер Уиппстоун извинился и взял кошку на руки. Он уже подружился с мистером и миссис Пирелли и теперь рассказал им про Люси. Реакция их показалась ему несколько странной. Рассказ сопровождался восклицаниями «*roverina*»⁶ и иными звуками, посредством которых итальянцы общаются с кошками. Миссис Пирелли протянула Люси палец и негромко заворковала. Затем она заметила белый кончик хвоста и взгляделась в кошку внимательнее. После чего принялась что-то втолковывать мужу по-итальянски. Муж, серьезно кивая в ответ, раз десять подряд повторил «*Si*»⁷.

– Вы ее узнали? – спросил встревоженный мистер Уиппстоун.

Супруги ответили, что вроде бы да. Миссис Пирелли по-английски почти не говорила. Женщина она была крупная, теперь же, пытаясь объяснить нечто мимическими средствами – надувая щеки и выставив перед грудью согнутые кренделем руки, – показалась еще крупнее. При этом она дергала головой в сторону ведущего к Баронсгейт проулка.

– Вы про этих гончаров! – догадался мистер Уиппстоун. – Хотите сказать, что это их кошка?

И тут он с изумлением увидел, как миссис Пирелли сделала еще один жест, куда более древний. Она перекрестилась. И положила ладонь на руку мистера Уиппстоуна.

– Нет-нет-нет, – повторяла она. – Не отдавать обратно. Нет. *Cavito, cavito*.

– Кошка?

– Нет, синьор, – перевел мистер Пирелли. – Жена говорит «плохие». Они плохие, жестокие люди. Не возвращайте им вашу кошечку.

– Нет, – конфузясь, сказал мистер Уиппстоун. – Ни за что не верну. Благодарю вас. Я этого не сделаю.

И больше он никогда не водил Люси на Каприкорн-Мьюз.

Люси признала миссис Чабб в качестве подательницы пищи и в соответствии с этим выполняла обязательный ритуал, состоявший в том, чтобы потереться головой о ее лодыжки. Мистера Чабба она попросту не замечала.

Изрядную часть времени кошка проводила в садике на заднем дворе, исполняя безумные балетные па в погоне за воображаемыми бабочками.

Как-то утром, в половине десятого, – спустя неделю после обеда у Аллейнов – мистер Уиппстоун сидел у себя в гостиной, решая напечатанный в «Таймс» кроссворд. Чабб отправился за покупками, а миссис Чабб, закончив домашние дела, «обихаживала» мистера Шеридана в его подвальной квартире. Мистера Шеридана, который, сколько сумел выяснить мистер Уиппстоун, чем-то там занимался в Сити, будними утрами дома никогда не бывало. Миссис Чабб должна была вернуться в одиннадцать, чтобы заняться обедом мистера Уиппстоуна. Заключенное ими соглашение работало лучше некуда.

Мистер Уиппстоун застрял на особо мудреном слове, и тут внимание его привлек странный шум, своего рода приглушенная жалоба Люси, словно бы мяукавшей с набитым ртом. Она вошла в комнату пятясь, опустив голову, приблизилась и уронила к его ногам что-то тяжелое. После чего села и уставилась на хозяина, склонив голову набок и вопросительно подрагивая, каковую ее манеру мистер Уиппстоун находил особенно милой.

– Ну и что же ты мне притащила? – спросил он.

⁶ Бедняжка (*ит.*).

⁷ Да (*ит.*)

Он наклонился и поднял принесенный кошкой подарок. Это была керамическая штучка размером с медальон, однако тяжелая и, надо думать, заставившая потрудиться ее бедные маленькие челюсти. Глиняная, кусающая свой хвост рыбка, с одной стороны покрытая белой краской. В спине у рыбки была просверлена дырка.

– Где ты ее взяла? – строго спросил мистер Уиппстоун.

Люси приподняла лапку и улеглась, лукаво поглядывая на хозяина, затем вдруг вскочила и выбежала из комнаты.

– Удивительное существо, – пробормотал мистер Уиппстоун. – У Чаббов она ее, что ли, стащила?

И как только миссис Чабб вернулась, позвал ее и показал рыбку.

– Это не ваша, миссис Чабб? – спросил он.

У миссис Чабб имелся особый прием – не отвечать на вопрос сразу, – к нему-то она теперь и прибегнула. Мистер Уиппстоун протянул ей рыбку, но женщина не взяла медальон.

– Кошка откуда-то принесла, – объяснил мистер Уиппстоун, который всякий раз, как ему случалось упоминать Люси Локетт при Чаббах, почему-то принимал безразличный тон. – Не знаете, откуда это?

– Я думаю... наверное... я думаю, это мистера Шеридана, сэр, – наконец выдавила миссис Чабб. – Вроде как одно из его украшений. Кошка небось залезает к нему в заднее окно, сэр, когда его открывают, чтобы проветрить. Как я сегодня сделала. Только я ее там ни разу не видела.

– Залезает? О господи! Безобразие какое! Вы не могли бы вернуть эту штуку на место, миссис Чабб? Неудобно получится, если он ее хватится.

Миссис Чабб неуверенно взялась за вещицу двумя пальцами. Взглянув на экономку, мистер Уиппстоун с удивлением обнаружил, что ее круглые щеки мертвенно побледнели. Он хотел спросить, хорошо ли она себя чувствует, но тут краска стала возвращаться, хоть и неровными пятнами.

– Все в порядке, миссис Чабб? – спросил он.

Казалось, та вот-вот ответит. Губы женщины дрогнули, она провела по ним пальцами и в конце концов сказала:

– Я не хотела спрашивать, сэр, но надеюсь, вы нами довольны, мной и Чаббом?

– Конечно, – тепло отозвался он. – В доме все идет как по маслу.

– Спасибо, сэр, – сказала миссис Чабб и вышла.

«Она хотела сказать что-то другое», – подумал мистер Уиппстоун.

Он слушал, как миссис Чабб поднимается вверх, и думал: «Хорошо бы она вернула эту дурацкую штуку на место». Через минуту женщина спустилась. Подойдя к окну гостиной, мистер Уиппстоун увидел, как она сошла по ступенькам и скрылась в квартире мистера Шеридана. Через секунду дверь хлопнула, и миссис Чабб вышла наружу.

Белая глиняная рыбка. Что-то вроде медальона. Нет, право же, ему не следует обзаводиться привычкой внушать себе, будто все, что с ним происходит, уже случилось когда-то, будто он что-то такое слышал прежде о всякой вещи, какая попадает на глаза, а то и видел ее. Для таких ощущений наверняка существует научное объяснение. То ли одно полушарие мозга срабатывает на миллиардную долю секунды быстрее другого, то ли это как-то связано со «спиралью времени». Мистер Уиппстоун толком не помнил. Хотя, с другой стороны, в случае с Санскритами все объяснилось самым обыденным образом: он и в самом деле видел в прошлом их фамилию написанной на фронтоне здания. Просто забыл.

В этот миг Люси произвела один из своих взволнованных сценических выходов. Она влетела в комнату так, словно сам черт наступал ей на пятки, резко остановилась, прижав уши, и уставилась на хозяина, как будто впервые его увидела: «О боже! Ты!»

– Поди-ка сюда, – велел он.

Люси сделала вид, что не слышит, рассеянно приблизилась, а затем вдруг вспрыгнула ему на колени и принялась потягиваться, укладываясь.

– Никогда больше, – отчитал кошку мистер Уиппстоун, – не забирайся в чужие квартиры и не воруй глиняных рыбок.

Чем дело пока и кончилось.

Кончилось-то кончилось, да только через пять дней, очень теплым вечером, Люси опять стянула медальон и приволокла его к хозяйским ногам.

Мистер Уиппстоун затруднился бы сказать, рассердило его это повторное преступление или позабавило. Он прочитал кошке нотацию, но та, похоже, не слушала, думая о чем-то своем. Он пребывал в нерешительности, не зная, как поступить, – может быть, снова попросить миссис Чабб, чтобы утром вернула вещицу на место? Нет, сказал он себе, так не годится.

Он повертел медальон в руке. На обратной его стороне был выжжен какой-то знак, похожий на волнистый «икс». Сверху дырка, явно для того, чтобы в нее продевать шнурок. Самая заурядная, ничем не примечательная вещица. Скорее всего, какой-нибудь сувенир, решил он.

Мистер Шеридан был дома. Свет падал на темную землю из открытого кухонного окна и пробивался в щель между шторами гостиной.

– Мороки с тобой не оберешься, – укорил Люси Локетт мистер Уиппстоун.

Он сунул медальон в карман пиджака, вышел через переднюю дверь, сделал шесть шагов по тротуару, вошел в чугунную калитку и по нескольким ступенькам спустился к двери мистера Шеридана. Предвкушавшую вечернюю прогулку Люси ему остановить не удалось. Она перепрыгнула через ногу хозяина, скатилась по ступенькам и спряталась за невысоким тисом.

Он позвонил.

Дверь открыл мистер Шеридан. В маленькой прихожей за его спиной горел свет, делая лицо хозяина дома почти неразличимым. Дверь в гостиную осталась открытой, и мистер Уиппстоун увидел, что там гости. Два видных мистеру Уиппстоуну кресла стояли к нему спинками, но поверх торчали чьи-то макушки.

– Прошу прощения, – начал мистер Уиппстоун, – и не только за то, что вас потревожил, но и за... – он сунул руку в карман и вытащил медальон, – за это тоже.

Реакция мистера Шеридана странным образом напомнила реакцию миссис Чабб. Он замер. Возможно, в полном молчании прошла всего лишь пара секунд, однако к тому времени, когда он заговорил, стало казаться, будто их протекло куда больше.

– Я не понимаю, – произнес он. – Вы разве...

– Я вам все объясню, – сказал мистер Уиппстоун – и объяснил.

Пока длились объяснения, человек, сидевший в одном из кресел, обернулся. Мистер Уиппстоун мог видеть только макушку, лоб и глаза, однако сомнений у него не осталось – это была миссис Монфор. Взгляды их встретились, дама пригнулась и скрылась из виду.

Шеридан хранил молчание до конца рассказа, да и по окончании оно же ничего не сказал. Он не сделал ни единой попытки вернуть себе свою собственность и лишь после того, как мистер Уиппстоун вновь протянул ему медальон, поднял навстречу руку.

– Боюсь, бедная зверушка взяла в привычку пробираться в вашу квартиру следом за миссис Чабб. Скорее всего, через кухонное окно. Мне очень жаль, – сокрушался мистер Уиппстоун.

Шеридана внезапно прорвало.

– Ни слова больше, – прошепелявил он. – Пусть это вас не тревожит. Сами видите, вещица ничего не стоит. Я уберу ее в такое место, что кошка до нее больше не доберется. Огромное вам спасибо. Да.

– Спокойной ночи, – сказал мистер Уиппстоун.

– Спокойной ночи, спокойной ночи. Тепловато для этого времени года, не правда ли? Спокойной ночи. Да.

Нельзя, конечно, сказать, будто дверь захлопнулась перед носом мистера Уипплстоуна – она захлопнулась, как только он повернулся к ней спиной.

Поднявшись по железным ступенькам, он был награжден возможностью лицезреть еще одно повторное событие. Пересекая улицу, к нему приближались Санскриты, брат и сестра. В то же мгновение кошка, выскочив из своего укрытия, налетела на его ногу и черной молнией унеслась по улице.

За секунду-другую, потребовавшиеся ему, чтобы выйти из калитки, Санскриты подошли совсем близко. Очевидно, свиноделы снова явились к Шеридану в гости. Они стояли, ожидая, пока он выйдет. Он уловил их запах и как будто вновь оказался в Нгомбване. Что это? Сандарак? В Нгомбване из него делают благовония и жгут на рынках. Мужчина, как и в прошлый раз, производил дикое впечатление. Казалось, он еще потолстел. Размалеванный. Весь в побрякушках. И что такое заметил мистер Уипплстоун, поспешно свернувший к своему крыльцу, что-то свисавшее с этой неопикуемой шеи? Медальон? Белую рыбку? А тут еще Люси исчезла с такой стремительностью, ну как она потеряется? Он не мог понять, как ему поступить – отправиться на поиски или звать кошку, что будет совсем глупо.

Все еще пребывая в растерянности, мистер Уипплстоун заметил приближавшуюся к нему маленькую тень. Он позвал, и Люси мгновенно возникла из темноты, привычным манером бросившись на грудь хозяину. Он прижал ее к себе и поднялся по ступенькам.

– Вот и правильно, – приговаривал он. – Пойдем-ка в дом. Пойдем. Там нам с тобой самое место.

Когда они достигли своей тихой пристани, мистер Уипплстоун налил себе выпить. Слишком много почти мгновенных событий возмутили его душевный покой, и почему-то пуще всего тревожил разговор с мистером Шериданом.

– Я его точно где-то видел раньше, – говорил он себе. – И не только здесь, в тот день, когда пришел осматривать дом. В прошлом. Где-то, где-то, где-то. Какое-то неприятное воспоминание.

Однако память не пожелала подчиниться приказу, так что мистер Уипплстоун, лишь раздраживший себя бесплодными домыслами, допил налитое и, пребывая в состоянии умело контролируемого возбуждения, набрал номер своего друга, суперинтенданта Аллейна.

Глава 3 Катастрофа

1

Нгомбванское посольство, выстроенное для торгового магната георгианской поры, было, по правде сказать, чересчур величественным для новорожденной африканской республики, во всяком случае на взгляд Аллейна. Лондонские представители Громобоя перехватили этот дом, едва здание освободилось после долгой аренды. В таком дворце и посольство любой великой державы чувствовало бы себя совсем неплохо.

Дом был великолепный, прекрасных пропорций, внушающий ощущение покоя и просторности. Залы для приема гостей, занимающие почти весь первый этаж, выходили в глубине дома в обширный парк, где помимо прочих изысков имелось небольшое озеро. Парк, успевший за время аренды прийти в запустение, был не без шика восстановлен баронсгейтской фирмой «Прекрасные виды». Ее дочерняя компания «Декор и дизайн», также из Баронсгейта, позаботилась об интерьере.

– Пожалуй, эффект получился даже более разительным, чем они рассчитывали, – сказал Аллейн, – особенно когда теперешние владельцы разместили здесь свои украшения.

Он обходил дом в обществе пригласившего его сюда суперинтенданта Фреда Гибсона, занимавшего в Специальной службе такой же пост, как Аллейн в своем отделе. Крупный бледный молчаливый Фред первым делом оговорился при встрече, что они находятся здесь по приглашению посла Нгомбваны, причем находятся, строго говоря, на нгомбванской территории.

– В сущности, нас здесь только-только терпят, – говорил своим глуховатым голосом Гибсон. – Конечно, они так или иначе состоят в Содружестве, но, насколько я понимаю, могут в любую минуту сказать: «Большое спасибо, до скорых встреч».

– Я тоже так думаю, Фред.

– Я, как ты понимаешь, далеко не в восторге от этой работы, что нет, то нет! Как только Его Прохиндейство высунет нос из дверей, хлопот у нас будет по горло, можешь мне поверить.

– Тебе не позавидуешь, – согласился Аллейн. Аллейн и Гибсон работали вместе в самом начале их карьеры и прекрасно понимали друг друга.

Они находились то ли в салоне, то ли в бальной зале, их провел сюда огромного роста ливрейный лакей-африканец, который затем удалился в другой конец залы и застыл в неподвижном ожидании.

Аллейн оглядывал подобие ниши, занимавшей почти всю стену на их конце комнаты. Ниша была оклеена малиновой и позолоченной бумагой и увешана привезенными из Нгомбваны предметами – щитами, масками, плащами, копьями, – расположенными так, что получился своего рода африканский орнамент, обрамленный геральдическими изображениями. Центральным экспонатом служил ритуальный барабан. Все это освещалось небольшим театральным прожектором. Зрелище получилось внушительное, уводящее воображение к давним дням, в которые дом этот только строился, а Лондон сходил с ума по нубийским статуям и маленьким черным пажам в тюрбанах. Громобою понравится, подумал Аллейн.

По трем стенам залы тянулась галерея для музыкантов, и Гибсон пояснил, что помимо оркестра там будут находиться четверо его людей.

Шесть двустворчатых окон, начинающихся от самого пола, выходили в парк. «Прекрасные виды» создали ложную перспективу, высадив по обеим сторонам продолговатого озера тисовые деревья – на переднем плане высокие, а дальше все уменьшавшиеся вплоть до самых

миниатюрных размеров. Соответственно была изменена и форма озера, широкого там, где росли деревья повыше, и сужавшегося к дальнему краю. В итоге получилась почти пугающая оптическая иллюзия. Аллейн читал где-то о «Корсиканских братьях»⁸ в постановке Генри Ирвинга⁹, разместившего поближе к публике шестифутовых стражников, а на заднем плане расположившего карликов. Здесь, думал Аллейн, эффект получится противоположным ирвинговскому, поскольку на дальнем конце озера был разбит шатер, в котором во время устраиваемого на свежем воздухе представления будут сидеть Громобой, посол и кое-кто из особо почетных гостей. Из салона они будут походить на Гулливеров в Лилипутии. Что опять-таки, сказал себе Аллейн, не доставит Громобою ничего, кроме удовольствия.

Помня о присутствии лакея, он и Гибсон разговаривали, не повышая голоса.

– Сам видишь, как разбит парк, – говорил Гибсон. – Через секунду я покажу тебе план. Все их шоу, вечерний прием, начнется здесь, на первом этаже. А после переместится в этот клятый парк. На второй этаж никто, кроме постоянной прислуги, подниматься не будет, об этом мы позаботимся. Наверху каждой лестницы я поставлю по человеку, можешь не волноваться. Теперь. Как видишь, вестибюль, который за нами, находится на более низком уровне, а перед нами, за окнами, – парк. Слева от тебя тоже парадные комнаты: салон поменьше, столовая – можешь назвать ее банкетным залом, не ошибешься, – дальше кухни и служебные помещения. Справа от нас соединяется с вестибюлем – тем, что сзади, – что-то вроде гостиной для дам, а к ней, прямо за альковом со скобяными изделиями, – Гибсон указал на нгомбванские трофеи, – примыкает дамская туалетная. Этакая, знаешь, изысканная. Ковры по колено. Кресла, туалетные столики. Даровая пудра и пара горничных. В самих ватерклозетах – их там четыре – есть выходящие в парк окна, почти под потолком. Как следует прицелиться из них по шатру трудно, мешают деревья. И все же мы посадили туда надежную женщину в чине сержанта.

– Переодетую горничной?

– Точно.

– Разумно. А где мужская уборная?

– По другую сторону вестибюля. Соединяется с курительной, или как ее там, в ней будет устроен бар. Из окон этой уборной шатер виден лучше, так что там мы тоже кое-кого посадили.

– А что насчет самого парка?

– С парком проблема, черт его подери, – проурчал Гибсон. – Слишком много деревьев.

– Но при этом имеется высокая кирпичная стена?

– Иметься-то она имеется. И даже с железными штырями, да толку-то! В последний момент мы все, конечно, обшарим – задача номер один. Дом, парк – в общем, все. И проверим весь персонал. Банкет обслуживают «Костар и Кай» из Мейфэра. Высший класс. Все их люди – то, что они называют максимально надежными, испытанными служащими.

– Но ведь для такого рода работы они подряжают людей со стороны, разве нет?

– Да, я знаю, однако они уверяют, что могут поручиться за каждого.

– А что насчет... – Аллейн слегка повел головой в сторону уставившегося в окно лакея.

– ...нгомбванской шатии? Ну как тебе сказать? Домом правит один из них, получивший образование в Англии и работавший в первоклассных парижских отелях. Наилучшие рекомендации. Посольская прислуга набрана, как мне сказали, в Нгомбване. Чего она стоит и как они ее там набирают, я не знаю. Короче говоря, их здесь тридцать человек, да еще с президентом приедет кое-кто из его слуг. Нгомбванцы, насколько я понял, будут все больше с любезным видом стоять по стеночкам. Вот этот малый, – Гибсон перешел почти на шепот и говорил, двигая лишь уголком рта, – дело другое, он, можно сказать, парадный телохранитель президента. В официальных случаях торчит поблизости от патрона, раздетый, как каннибал, со здоровен-

⁸ Мелодрама ирландского драматурга и актера Лиона Баусико (182(?)–1890).

⁹ Выдающийся английский актер и режиссер (1838–1905).

ным ржавым символическим копьём в лапах. Это у них что-то вроде королевского жезла или парадного меча. Называй как хочешь. Прикатил пораньше вместе с несколькими личными слугами президента. Президентский самолет, как ты, наверное, знаешь, прилетит завтра утром.

– Как себя чувствует посол?

– На стенку лезет.

– Бедняга.

– Он то суетится насчет приема, то мучается кошмарами по поводу безопасности президента. Собственно, и мы с тобой здесь потому, что он очень просил нас прийти.

– Он звонит мне с утра до вечера на том основании, что я знаком с великим беём.

– Что ж, – пожал плечами Гибсон, – разве я сам втянул тебя в это дело не по той же причине? А поскольку тебя еще и на прием пригласили – ты уж не сердись, что я с тобой так вот, запросто, – положение сложилось, можно сказать, совсем соблазнительное, тут бы никто не устоял. Только пойми меня правильно.

– Ради всего святого, что я, по-твоему, должен делать? Бросаться прикрывать своей грудью президента каждый раз, как кто-то зашебуршится в кустах?

– Не то чтобы я думал, – следуя своим мыслям, продолжал Гибсон, – будто нас ожидают настоящие неприятности. В общем-то нет. Не на этом приеме. Вот его разезды туда-сюда – это и в самом деле головная боль. Говоришь, он согласился нам помогать? Соблюдать вашу с ним договоренность и не удирать на непредусмотренные прогулки?

– Мы можем только надеяться. А каков распорядок во время приема?

– Вначале он будет стоять в вестибюле, на ступенях, ведущих в эту комнату. За спиной вот этот, с копьём, справа посол. Слева, немного сзади, советники. Личная охрана образует что-то вроде коридора, ведущего от дверей прямо к нему. Они при оружии, это часть их формы. Восемь моих парней находятся снаружи, прикрывают путь от автомобилей к входу, еще дюжина в вестибюле и вокруг. Все в ливреях. Ребята надежные. Я договорился с «Костаром», их нагрузят работой, будут разносить шампанское и так далее, чтобы не выбивались из общей картины.

– Так что насчет распорядка?

– Гости начинают съезжаться в половине десятого; мажордом, стоящий у входа, выкрикивает их имена. Они проходят по коридору из охранников, посол представляет их президенту, тот жмет им ручки, и они топают дальше. Вон там на галерее играет музыка – оркестр Луиса Франчини, – я их всех проверил, на помосте перед этими железками стоят кресла для важных гостей. Для прочих – кресла у стен.

– И какое-то время мы тут прогуливаемся, так?

– Так. Наливаете шипучкой, – без всякого выражения произнес Гибсон. – До десяти часов, в десять открываются все эти двери и прислуга, включая и моих людей, встает около них, приглашая гостей выйти в парк.

– И тут, Фред, начинается пресловутая головная боль?

– Да, будь я проклят! Пойдем-ка взглянем.

Через стеклянную дверь они вышли в парк. От широкой части водоема, вдоль сходящихся сторон которого вели мощные дорожки, дом отделяла низкая терраса. По другую сторону озера стоял шатер – изящное сооружение из натянутой на огромные пики с плюмажами полосатой ткани. Там же, на узком конце озера, были расставлены кресла для гостей, все это окружали столь нелюбимые Гибсоном деревья.

– Конечно, – мрачно сказал он, – тут будет куча вечно гаснувших китайских фонариков. Как видишь, даже они чем дальше, тем становятся меньше. Эффект поддерживают. Надо отдать им должное, ребята поработали на славу.

– Они по крайней мере дадут какой-то свет.

– Не волнуйся, ненадолго. Предстоит что-то вроде концерта, да еще кино будут показывать. Экран натянут вдоль стены дома, а проектор разместят с той стороны озера. И все это время никакого света не будет, только в шатре – здоровенный орнаментальный фонарь, освещающий Его Прохиндейство, чтобы легче было прицелиться.

– Долго это протянется?

– Они говорят, минут двадцать. Сначала туземные пляски с барабанами, следом еще пара номеров, включая пение. Думаю, все займет не меньше часа. Потом вы вернетесь в банкетную – ужинать. А потом, если на то будет милость Господня, отправитесь по домам.

– Уговорить их изменить программу ты никак не можешь?

– Ни единого шанса. Все расписано наверху.

– Ты имеешь в виду Нгомбвану, Фред?

– Именно. Двое парней из «Видов» и «Декора» слетали туда с планами и фотографиями этого логова. Президент долго их разглядывал, а после дал волю фантазии и разродился праздничной программой. Он даже прислал сюда одного из своих прихвостней с заданием присматривать, чтобы тут все соблюли до тонкости. Сколько я понял, достаточно изменить хоть одну мелочь – и послу придется распрощаться с работой. А вот как тебе другое понравится? – В обычно бесцветном голосе Гибсона возникла жалостная нота. – Посол строго-настрого велел нам держаться подальше от этого чертова шатра. Приказ президента, и никаких тебе разговоров!

– Миляга Громобой!

– Выставляет нас идиотами. Сначала я разрабатываю меры безопасности, а потом мне говорят, что президент их не потерпит. Если б меня хоть кто-нибудь слушал, я бы тут все переиначил. И шатер, и все остальное.

– А если пойдет дождь?

– Тогда вся шайка-лейка переберется в дом.

– Значит, нам остается молиться, чтобы ночь выдалась дождливая.

– Повтори еще раз, приятно послушать.

– Давай пройдемся по дому.

Они обошли торжественные просторы верхнего этажа, причем нгомбванский копыеносец держался от них сколь возможно дальше, но из виду не упускал. Пару раз Аллейн на пробу обращался к нему с замечаниями, но человек этот, видимо, плохо понимал по-английски, если вообще понимал. Повадки у стража были самые величавые, но лицо решительно ничего не выражало.

Гибсон еще раз повторил план действий на завтра, и Аллейн не смог найти ни одного изъяна. Специальная служба стоит в полиции особняком. В ней не принято особенно распространяться о своих действиях, и, за исключением тех случаев, когда эти действия перекрываются с действиями других подразделений, никто никаких вопросов не задает. Впрочем, и отношения, давным-давно сложившиеся между Аллейном и Гибсоном, и необычность создавшейся ситуации были таковы, что оба отошли от этих неписаных правил. Они вернулись к своим машинам, раскурили каждый свою трубку, и Гибсон принялся рассказывать о подрывных элементах из недавно получивших независимость стран, которые обосновались в Лондоне и, как он выразился, «жить без насилия не могут».

– Одни держатся совершенно обособленно, – говорил он, – другие и вовсе свернулись, как кровь. Крохотные тайные общества. По большей части ни на что серьезное они не способны, однако бывает, что складываются этакие злокачественные обстоятельства. И разумеется, профессионалов тоже нельзя сбрасывать со счетов.

– Профессиональных убийц?

– Их все еще нетрудно найти. Того же Гинни Пакманна. Он теперь на воле, отсидел свое в шведской кутузке. Имея хорошие деньги, его можно купить. Он меньше трех тысяч не берет.

– Гинни в Дании.

– В Дании, если верить Интерполу. Да долго ли его сюда привезти? Я насчет политической стороны дела ничего не знаю, – продолжал Гибсон. – Не по моей части. К кому перейдет власть, если пришибут президента?

– Как мне объяснили, произойдет что-то вроде революции, придется посылать в Нгомбвану наемников, создавать марионеточное правительство, и в конце концов туда вернуться крупные корпорации и приберут власть к своим рукам.

– Ну вот, значит, и это тоже приплюсуй, а ведь есть еще фанатики-одиночки. Вот кого я совсем уж не перевариваю, – сказал Гибсон, проводя не лишнюю интереса демаркационную линию между различными категориями потенциальных убийц. – На таких у нас, как правило, ничего нет, и, в какую сторону глядеть, чтобы его увидеть, ни черта не известно.

– Список гостей у тебя, конечно, имеется?

– Да уж конечно. Сейчас покажу. Подожди секунду.

Гибсон выудил из внутреннего кармана список, и оба прошлись по нему. Против примерно пяти дюжин фамилий Фред Гибсон поставил галочку.

– Эти все так или иначе подвизались в Нгомбване, – сказал он. – От нефтяных баронов, крутившихся в верхах, до мелких экс-бизнесменов. И почти всех оттуда выперли или вот-вот выпрут. Похоже, главная идея приема в том, что, дескать, никто ни к кому личных претензий не имеет. «Все всех любят», так что прошу пожаловать в гости!

– «Мне больнее, чем тебе»?

– Вот-вот. И что хуже всего, никто от приглашения не отказался.

– Вот тебе на! – воскликнул Аллейн, ткнув пальцем в список. – Они и этого пригласили!

– Кого? А, этого. Да. Ну уж на него-то у нас кое-что имеется.

– Смотри список, любезно предоставленный мне твоими людьми, – проворчал Аллейн, вытаскивая названный список из кармана.

– Правильно. Хотя к насилию он вроде бы никогда не прибегал, однако в прошлом у него всякой дряни хватает. Мне он совсем не нравится.

– Он с сестрой наладил производство глиняных свиней в пяти минутах ходьбы от посольства, – сказал Аллейн.

– Я знаю. Забились в этакую мерзкую дыру. И вот объясни ты мне – зачем? Денег он из Нгомбваны выкачал достаточно.

– А у него еще есть деньги? Может быть, он прогорел?

– Трудно сказать. Все зависит от того, во что он вложил свои барыши, перед тем как там началась заваруха.

– Этого ты тоже знаешь? – спросил Аллейн, указывая на фамилию «Уиппстоун» в списке приглашенных.

Гибсон мгновенно выдал краткое жизнеописание Сэма Уиппстоуна.

– Да, он самый, – подтвердил Аллейн. – Вот что, Фред, может, это все и не важно, однако наводри уши и слушай.

И пересказал коллеге историю о кошке мистера Уиппстоуна и о глиняной рыбке.

– Уиппстоуна это немного встревожило, – сказал он под конец, – хотя не исключено, что к нам оно никакого отношения не имеет. Этот человек из подвала, Шеридан, и одиозные Санскриты, возможно, встречаются лишь для того, чтобы играть в бридж. Или они могут принадлежать к какому-нибудь эзотерическому кружку: ворожат, вызывают духов – все что угодно.

– За такие штуки Санскрита в первый раз и забрали. Ворожба и мошенничество. Потом еще подозрения в связи с наркотиками. Но это уже после того, как он вышел и основал торговое дело в Нгомбване. У него, кстати, все реквизируют, – заметил Гибсон.

– Я знаю.

– Знаешь?

– Мне кажется, я видел Санскрита на ступенях его заведения, когда был там три недели назад.

– Интересно.

– Касательно изгнанников, которые сбиваются в кучку, чтобы пожаловаться друг другу: ты, сколько я понял, ничего не слышал о тех из них, кто носит медальоны с рыбкой?

– Пф! – с отвращением откликнулся Гибсон.

– Мистер Шеридан в списке приглашенных отсутствует. А как насчет полковника и миссис Монфор? Они прошлым вечером были в квартире Шеридана.

– Постой-ка. Сейчас.

– Нет, – покачал головой Аллейн, заглянув в список. – На букву «М» никаких Монфоров не значится.

– Погоди-погоди. Что-то такое было. Вот, смотри. Буква «К»: лейтенант-полковник Кокбурн-Монфор, Барсетская легкая кавалерия (в отставке). Ну и имечко. Кокбурн.

– Отдает кобурой, – благодушно заметил Аллейн. – О нем что-нибудь есть?

– Короткая информация. Вот. «Организатор нгомбванской армии. Находился в стране со времени объявления независимости в 1961-м по 1971-й, когда власть целиком перешла к нынешнему правительству».

– Ну, – помолчав, подытожил Аллейн, – это, строго говоря, ничего нам не дает. Конечно, бывшие обитатели колонии в Нгомбване держатся один за другого, как те, что прожили жизнь в Индии. И возможно, их в Каприкорнах насчитывается несколько человек, и они временами встречаются, чтобы поныть со всеми удобствами. Хорошо. Что об обслуживании? Не нгомбванской, я имею в виду.

– Мы их всех досконально проверили. Всех до единого. Взгляни, если хочешь.

Он вытащил еще один список.

– Они здесь вместе с персоналом «Костара». Сначала идет постоянный штат, потом вольнонаемные. Все чисты, как херувимы.

– Этот тоже?

Гибсон взглянул туда, куда указывал длинный палец Аллейна, и негромко прочитал:

– «Нанимается «Костаром» в качестве вспомогательного официанта в течение десяти лет. Постоянное занятие: домашний слуга. Последний срок непрерывной службы: восемь лет. Отличные рекомендации. Место службы в настоящее время...» Здравствуй!

– Да?

– Место службы в настоящее время: Каприкорн-Уок, дом 1, Юго-Запад, 3.

– Итак, перед нами довольно любопытное собрание незначительных совпадений, – нахмурился Аллейн, – не правда ли?

2

– Нечасто мы с тобой надеваем на себя всю эту сбрую, верно? – сказал Аллейн жене.

– Ты-то выглядишь так, будто влезаешь в нее каждый вечер. Вылитый строитель империи в джунглях. Тех времен, когда у нас была империя. Да еще ордена в придачу.

– В придачу к чему?

– Это ты мне скажи, ты же у нас пурист.

– Был пуристом, когда ухаживал за будущей женой.

Трой в зеленом бальном платье сидела на кровати и натягивала длинные перчатки.

– А неплохо все получилось, – сказала она. – У нас с тобой. Ты не находишь?

– Нахожу.

– Нам здорово повезло.

– Еще как. – Аллейн помог жене застегнуть перчатки. – Замечательно выглядишь, – улыбнулся он. – Тронулись?

– В элегантном наемном лимузине, который ждет у наших дверей?

– Именно.

– Ну что ж, вперед, вперед, рога трубят.

Полиция перекрыла движение в Дворцовых Садах, и потому привычного скопления зевак у нгомбванского посольства не наблюдалось. Ступени устилал красный ковер, потоки света и звуки музыки, относящейся примерно к той же поре, в которую строился особняк, изливались сквозь широко распахнутые двери. Целая галактика черных и белых мужчин в ливреях открывала дверцы машин и захлопывала их.

– О господи, я забыла проклятую карточку! – воскликнула Трой.

– Она у меня. Пошли.

Пригласительные карточки, как увидел Аллейн, внимательнейшим образом рассматривались принимавшими их мужчинами и затем передавались другим мужчинам, скромно сидевшим за столиками. В глубине дома мелькнул, вызвав у Аллейна улыбку, суперинтендант Гибсон в цилиндре и фраке, смахивающий на полномочного представителя «Старого Доминиона»¹⁰.

Гости, которым требовалось раздеться, сворачивали от дверей к гардеробным, расположенным справа и слева, а вернувшись в вестибюль, направлялись к началу двойной шеренги нгомбванских гвардейцев, где называли свои имена внушительному черному мажордому, который выкликал их с гулкой размеренностью боевого барабана.

Трой и Аллейну снимать с себя было нечего, поэтому они сразу вступили в ведущий к президенту живой коридор.

В дальнем конце его на ступеньках зала приемов возвышался Громобой, помпезный, с копьяносом за спиной, в парадном мундире, создатель которого определенно вдохновлялся наполеоновской Старой гвардией, испытывая, впрочем, отчасти сдерживавшее его влияние Сандхерста¹¹.

– Невероятно, – пробормотала Трой. – Боже мой, он просто великолепен!

Ей хочется его написать, подумал Аллейн.

Справа от Громобоя стоял посол, облаченный в похожий, хоть и не столь пышный мундир. На лице его читалось сдерживаемое волнение. За ними в величественных позах застыли их личные помощники.

– Мистер и миссис Родерик Аллейн!

Широкая, чарующая улыбка вспыхнула на лице Громобоя.

– Вот уж с кем меня знакомить не надо, – пробасил он и обхватил ладонь Аллейна своими затянутыми в перчатки лапищами. – А это его прославленная супруга! – громогласно объявил он. – Очень рад. Мы еще поговорим попозже. Я собираюсь просить вас об услуге. Хорошо?

Аллейны двинулись дальше, сознавая себя объектами неявного, но общего внимания.

– Рори?

– Да, я знаю. Нечто особенное, не так ли?

– Фью-ю-ю!

– Как-как?

– Фью. Присвист, означающий «глазам своим не верю».

– Прости, не расслышал из-за Гильберта с Салливаном.

¹⁰ «Старым Доминионом» называют в США штат Виргиния; названием этим штат обязан Карлу II (1630–1685), согласно указу которого английская колония в Виргинии объявлялась четвертым (после Англии, Шотландии и Ирландии) доминионом его королевства.

¹¹ Английское высшее военное училище сухопутных войск, находящееся близ деревни Сандхерст в графстве Беркшир.

Они уже вошли в большую залу. На галерее оркестранты под ненавязчивым присмотром людей Гибсона смаковали «Гондольеров»¹².

Когда кругом такие шишки,
Что делать бедному парнишке? —

весело и почти неслышно напевали они.

По залу плыли подносы с шампанским. Шуточки по поводу констеблей в сапогах и мешком сидящих ливрей здесь были бы неуместны. Различить среди прочих белых слуг людей Фреда Гибсона казалось делом почти невозможным.

Как описать запах большого приема? Сквозь великолепную смесь ароматов косметики, духов, цветов, лосьонов для волос, отдаленных запахов еды и напитков не пробивалось ли здесь что-то еще, свойственное только этому празднеству? Похоже, где-то поблизости жгли эту штуку – как ее? – сандарак? Да, конечно. Аллейн помнил запах по дворцу президента в Нгомбване. Плюс безошибочно чужеродный душок людей с другим цветом кожи. Высокие окна были задернуты шторами, но в огромной комнате еще сохранялась прохлада. Люди перемещались по ней, как хорошо вышколенные статисты в главной сцене исторического фильма.

Аллейны увидели немало знакомых: людей, портреты которых Трой когда-то писала для Королевского общества Британского Содружества наций; большого белого вождя Аллейна с супругой; кое-каких его знакомых из Министерства иностранных дел и, что было для них неожиданностью, его брата, сэра Джорджа Аллейна: высокого, красивого, с первого взгляда определяемого – посол – и полностью предсказуемого. Трой ничего против зятя не имела, но Аллейн всегда считал его ослом.

– Господи! – изумился сэр Джордж. – Рори!

– Джордж.

– И Трой, дорогая. Вы прелестны до неприличия. Очаровательно! Очаровательно! А что, позволь тебя спросить, ты-то делаешь на этой galure¹³, Рори?

– Меня подрядили присматривать за серебряными ложками, Джордж.

– Неплохо, ха-ха. Честно говоря, – сэр Джордж игриво склонился к Трой, – между нами двумя и ближайшим фонарным столбом, понятия не имею, как я и сам здесь оказался. Не считая, конечно, того, что нас всех пригласили.

– Всю семью, ты имеешь в виду? – поинтересовался его брат. – Близнецов, жену и прочих?

– Ты все шутишь. Я имею в виду, – продолжал он, обращаясь к Трой, – *corps diplomatique* или по крайности тех из нас, кто имел честь представлять правительство ее величества в «нездешних краях». – Сэр Джордж снова впал в игривость и радостно закончил: – И вот мы здесь! А зачем, никто толком не знает!

– Полагаю, для создания возвышенной атмосферы, – с серьезным видом высказался Аллейн. – Смотри-ка, Трой, там Сэм Уиппистоун. Пойдем поздороваемся с ним.

– Пойдем.

– Еще увидимся, Джордж.

– Насколько я понял, нас ожидает подобие *fete champetre*¹⁴.

– Верно. Смотри в озеро не свались.

Когда они отошли на достаточное расстояние, Трой объявила:

– На месте Джорджа я бы тебя пришибла.

¹² Оперетта В. Гильберта и А. Салливана (1889 г.).

¹³ Галера (*фр.*).

¹⁴ Сельский праздник (*фр.*).

Мистер Уиппистоун стоял у возвышения, устроенного перед развешанным по стене нгомбванским оружием. Чуть поблекшие волосы его были изящно причесаны, на несколько замкнутом лице изображалось ласковое внимание. Настороженно поблескивал монокль. Завидев Аллейнов, он радостно улыбнулся и устремился им навстречу.

– На редкость пышный прием, – сказал он.

– Вы имеете в виду – непропорционально пышный? – подсказал Аллейн.

– Ну, это, пожалуй, слишком сильное слово. Я все вспоминаю Мартина Чэзлвита.

– «Тоджеры уже начали действовать»?

– Да. – Мистер Уиппистоун взглянул Аллейну прямо в глаза и спросил: – Ничего тревожного по вашей части?

– Нет уж простите, не по моей.

– Но с вами же консультировались.

– А, – откликнулся Аллейн, – вы об этом. Неявно. И совершенно неофициально, просто пригласили посмотреть, как здесь и что. Основную работу проделал братец Гибсон.

– Ну и прекрасно.

– Кстати, вам известно, что здесь сегодня прислуживает ваш домочадец, Чабб?

– О да. Они с миссис Чабб уже много лет как состоят в списке вспомогательного персонала фирмы, так он мне сказал. И их нередко привлекают для участия в подобных оказиях.

– Да.

– Вы считаете, что это еще одно из наших совпадений?

– Ну... в данном случае вряд ли.

– А как поживает Люси Локетт? – улыбнулась Трой.

Мистер Уиппистоун соорудил гримаску, позволив моноклю выпасть из глазницы.

– Вам обоим следует с ней познакомиться, – сказал он, – и заодно отведать стряпни миссис Чабб. Обещайте.

– С большим удовольствием, – тепло сказала Трой.

– Я позвоню вам завтра, и мы обо всем договоримся.

– Да, по поводу Люси Локетт, – встрепенулся Аллейн. – Хорошо, что я вспомнил, – мистер Шеридан. Вам не известно, чем он занимается?

– Что-то делает в Сити. А что?

– Ничего конкретного, просто его знакомство с Санскритами вызывает к нему определенный интерес. Он никак не связан с Нгомбваной?

– Насколько я знаю, нет.

– Впрочем, сюда его не пригласили, – заметил Аллейн.

Через густеющую толпу в их направлении двигался один из адъютантов. Аллейн узнал в нем своего сопровождающего в Нгомбване. Увидев Аллейна, адъютант разулыбался и устремился прямо к нему.

– Мистер Аллейн, его превосходительство господин посол просил передать вам, что президент будет чрезвычайно рад видеть вас среди официальных гостей во время праздника в парке. Когда придет время, я вас провожу. Возможно, мы могли бы встретиться прямо здесь.

– Он очень любезен, – отозвался Аллейн. – Сочтем за честь.

– Подумать только, – пробормотал мистер Уиппистоун, когда адъютант удалился. – Похоже, Тоджеры и впрямь начали действовать.

– Это не Тоджеры, это Громобой. Я бы с удовольствием обошелся без подобной чести.

– Как ты думаешь, что он имел в виду, когда сказал, что хочет просить нас об услуге? – спросила Трой.

– Он сказал это не мне, дорогая. Тебе.

– Ладно, я тоже собираюсь попросить его об услуге.

– За решение этой задачки приз не присуждается. Она хочет, – объяснил Аллейн мистеру Уиппстоуну, – чтобы Громобой ей позировал.

– Я уверен, – слегка поклонившись, подхватил мистер Уиппстоун, – вам достаточно будет пустить слух об этом и... о боже ты мой!

Он умолк, уставившись на двери, сквозь которые втекали внутрь последние гости. Среди них, разительно выделяясь ростом и статью, выступали личные пугала мистера Уиппстоуна – Санскриты, брат и сестра.

На сей раз они принарядились применительно к случаю. То есть облачились в одежду, предназначавшуюся у них для выхода в свет. Санскрита облекала совершенно несусветная, на консервативный вкус мистера Уиппстоуна, сорочка – сплошь кружева и оборочки с парой-другой блесток, мерцавших в глубинах складок. Множество перстней красовалось на его покрытых ямочками перстах. Стриженные «под пажа» светлые волосы спадали на уши. Он был искусно, но очень приметно *en maquillage*¹⁵, как с содроганием мысленно выразился мистер Уиппстоун. Лиловые волосы его сестры, казавшейся необъятной в зеленом, тоже оборчатом атласном платье, также были подстрижены челочкой, а по бокам уложены наподобие буклей, отчего колоссальное лицо ее стало квадратным. Двигались они медленно, словно две огромные баржи, подталкиваемые сзади буксирами.

– Я так и думал, что вы удивитесь, – усмехнулся Аллейн. При его росте приходилось склоняться к мистеру Уиппстоуну, чтобы можно было разговаривать, не повышая голоса. Слитный гул голосов почти заглушал оркестр, который, продолжая свой поход сквозь столетие, уже добрался до веселых деньков Кокрановых ревью¹⁶.

– А вы знали, что их пригласят? – спросил мистер Уиппстоун, качнув головой в сторону Санскритов. – Право, это уж слишком!

– Согласен, приятно в них мало. Кстати, где-то здесь порхает еще парочка фазанов из каприкорновского заказника.

– Надеюсь, не...

– Монфоры.

– Ну, это еще куда ни шло.

– Полковник, как выяснилось, был важной шишкой в пору создания их армии.

Мистер Уиппстоун удивленно воззрился на Аллейна.

– Вы говорите о Кокбурн-Монфоре? – спросил он.

– Да.

– Тогда какого дьявола его жена мне так и не сказала?! – сварливо воскликнул мистер Уиппстоун. – Бестолковое существо! Почему она отбросила Кокбурнов? Как это все утомительно! Ну что ж, его-то должны были пригласить. Я с ним никогда не сталкивался. В ранние мои дни он там не появлялся, а когда я вернулся, его уже не было. – Мистер Уиппстоун на миг примолк, размышляя, затем сокрушенно проговорил: – Как ни грустно, но полковник, по моему, опустился. И жена его, боюсь, тоже.

– Пристрастились к бутылке?

– Мне кажется, да. Я ведь говорил вам, что они были у Шеридана в тот вечер, когда я к нему спустился? Как она спряталась, увидев меня?

– Говорили.

– И как она... э-э...

– Лезла к вам с разговорами у ветеринара? Тоже говорили.

– Ну вот.

¹⁵ Накрашен (*фр.*).

¹⁶ Сэр Чарльз Блейк Кокран (1872–1951) – английский продюсер более чем 125 пьес, особенно прославившийся постановкой пышных музыкальных ревью.

– Думаю, если она увидит вас здесь, вам не избежать еще одной беседы. Познакомьте нас, если представится случай.

– Вы серьезно?

– Вполне.

И уже через десять минут мистер Уиппстоун сказал, что Кокбурн-Монфоры совсем близко, футах в тридцати, и подвигаются в их направлении. Аллейн предложил как бы ненароком сблизиться с ними.

– Хорошо, друг мой, если вы настаиваете...

Так они и сделали. Кокбурн-Монфоры заметили мистера Уиппстоуна и поклонились. Трое друзей увидели, как жена принялась что-то говорить мужу, явно предлагая подойти и поздороваться.

– Добрый вечер! – воскликнула она, приближаясь. – В каких странных местах мы с вами встречаемся, правда? То у ветеринара, то в посольстве. – И, подойдя вплотную, продолжала: – Я рассказала мужу про вас и про бедную кошечку. Дорогой, это мистер Уиппстоун, наш новенький, из номера один по Уок, помнишь?

– Приветствую! – гаркнул полковник Кокбурн-Монфор.

Мистер Уиппстоун, исполняя, как он его понимал, желание Аллейна, старательно изображал светского человека.

– Как поживаете? – вежливо отозвался он и продолжил, обращаясь к даме: – Вы знаете, мне так стыдно за себя. Мне и в голову не пришло, когда мы знакомились, что ваш муж – это тот самый Кокбурн-Монфор. Из Нгомбваны, – добавил он, увидев, что она не понимает, о чем речь.

– А, вы об этом. Мы предпочитаем «Кокбурна» опускать. Люди вечно перевирают эту половину нашей фамилии, – сказала миссис Кокбурн-Монфор, внимательно оглядев Аллейна и снова переведя взгляд на мистера Уиппстоуна, который подумал: «По крайней мере оба вроде бы трезвы». Впрочем, ему тут же пришло в голову, что, скорее всего напиться в лоск им уже просто не удастся. Он представил Аллейна, и дама немедленно сосредоточила все внимание на нем, лишь временами бросая загнанный, но дружеский взгляд на Трой, которой, в свой черед, занялся полковник, предварительно окинув ее долгим остекленелым взором.

В сравнении с Санскритами, думал мистер Уиппстоун, они все же не так ужасны или, если быть точным, ужасны на более приемлемый манер. Полковник хриплым голосом рассказывал Трой, что, когда президент приветствовал Аллейнов, они с женой только что не наступали им на пятки. Его явно разбирало любопытство относительно причин столь сердечного приема, и он принялся без особых изысков и околичностей вытягивать из Трой потребные сведения. Бывала ль она в Нгомбване? И если бывала, как это им удалось ни разу не встретиться? Уж он-то точно бы ее не забыл, если б хоть раз увидел, прибавил полковник, слегка выкатывая глаза и подкручивая воображаемые усы. Его настырность начала действовать Трой на нервы, и она решила, что самый простой способ отвязаться от него – это сказать, что муж учился с президентом в одной школе.

– А! – сказал полковник. – Вон оно что? Ну тогда понятно.

Трудно сказать, почему эта реплика показалась Трой оскорбительной.

Внезапно все голоса стихли, и сразу стал слышен оркестр. Он уже добрался до наших дней и наигрывал из «Моей прекрасной леди», когда в залу вошли президент и его приближенные. С важностью, без малого королевской, они проследовали к возвышению под африканским трофеем. В тот же миг, заметил Аллейн, в самом темном углу галереи возник и замер, оглядывая толпу, Фред Гибсон. Оркестр играл «Если повезет чуть-чуть», и Аллейн подумал, что это могло бы быть музыкальной темой Фреда. Когда Громобой достиг возвышения, оркестр уважительно приглушил звучание.

Откуда ни возьмись появился и застыл, образовав центральную фигуру варварского трофея, церемониальный копьеносец – весь в перьях, в ручных, ножных и шейных браслетах, в львиной шкуре. Громобой уселся. К краю возвышения вышел посол. Дирижер взмахнул палочкой, и музыканты сыграли несколько звучных, призывающих к почтительному вниманию тактов.

– Ваше превосходительство, господин президент, сэра. Милостивые лорды, леди и джентльмены, – произнес посол. В течение некоторого времени он продолжал приветствовать своего президента, своих гостей и – в самых общих выражениях – замечательное взаимопонимание, утвердившееся между его правительством и правительством Объединенного королевства, взаимопонимание, которое служит залогом продолжения постоянно развивающегося... Тут смысл его речи несколько затуманился, однако посол сумел закруглить ее несколькими эффектными фразами и сорвать учтивые аплодисменты.

Затем поднялся Громобой.

«Я обязана запомнить все это, – думала Трой. – Точно. Отчетливо. Запомнить все. Похожую на гусарский кивер шапку седых волос. Игру света во впадинах висков и щек. Тугой синий мундир, эти белые лапищи, мерцание оружия. И фон, фон, ради всего святого! Нет, я обязана это запомнить, просто обязана».

Она взглянула на мужа, тот приподнял в ответ одну бровь и прошептал:

– Я спрошу.

Трой стиснула его руку.

Громобой говорил недолго. Чудовищные раскаты его голоса оставляли впечатление, будто звучит гигантский контрабас. Как и можно было ожидать, он говорил о вечных узах дружбы, связывающих страны Содружества. Несколько менее официально прозвучали слова о радости, доставленной ему возвращением в любимые места его юности. Развивая эту тему, он, к великому неудовольствию Аллейна, остановился на своих школьных днях, на зародившейся тогда вовек нерушимой дружбе. Тут президент принялся обшаривать глазами аудиторию и, отыскав свою жертву, послал Аллейнам ослепительную улыбку. Гости оживленно зашептались, а чрезвычайно развеселившийся мистер Уиппистоун пробормотал нечто о «средоточии всеобщего внимания». Несколько звучных общих мест завершили маленькую речь.

Когда унялись аплодисменты, посол объявил, что торжества переносятся в парк, и в тот же миг шторы раздернулись и распахнулись стеклянные двери в парк. За ними обнаружился чарующий вид. Золотистые звездообразные фонари, уменьшаясь в размере, сходились вдали, отраженные в маленьком озере, также вносившем свой вклад в ложную перспективу, которая замыкалась на дальнем его конце ярко освещенным ало-белым шатром. Баронсгейтские «Прекрасные виды» могли гордиться своей работой.

– Постановка, как почему-то хочется все это назвать, просто великолепно, – шепнул Аллейну мистер Уиппистоун. – Мне не терпится поглядеть, как вы оба будете красоваться в шатре.

– Зря вы так налегали на шампанское, – ответил Аллейн, и дипломат издал в ответ уютный воркующий звук.

Официальные лица вышли в парк, следом потянулись гости. Адьютант, как и было условлено, отыскал Аллейна с Трой и проводил до шатра. Громобой радостно встретил их и представил десятку важных гостей, среди которых, к веселому удивлению Аллейна, оказался и его брат Джордж, далеко не единожды занимавший в ходе своей дипломатической карьеры пост посла в самых разных странах. Остальные важные лица были по преимуществу прежними британскими губернаторами Нгомбваны и представителями соседствующих с ней независимых африканских государств.

Было бы неверным сказать, что для Громобоя установили в шатре подобие трона. Его кресло располагалось не выше прочих, однако стояло отдельно от них, а прямо за ним утвер-

дился церемониальный копыеносец. От президентского кресла, как от острия стрелы, двумя шеренгами расходились кресла гостей. Со стороны дома, подумал Аллейн, да и оттуда, где по берегам озера расселись прочие гости, было чем полюбоваться.

Музыканты сошли с галереи и скромно устроились поближе к дому, среди деревьев, частично скрывавших оконца уборной, о которых Гибсон говорил Аллейну.

Когда все уселись, из темноты выкатили большой экран, заслонивший стеклянные двери, которые смотрели по-над озером на шатер. В луче проектора на экране возникли картины дикой природы Нгомбваны. Группа настоящих нгомбванских барабанщиков появилась перед экраном, фонари в саду потускнели, барабанщики начали представление. Барабаны рокотали, то усиливаясь, то слабев, рассыпаясь дробью и бухая; тревожные в своей монотонности. Неуместные в этой обстановке, они создавали на редкость устрашающий шум. Отряд воинов, размалеванных и вооруженных, выскочил из темноты и ударился в пляс. Ноги их тяжело и гулко опускались на подстриженную траву. Какие-то незримые в темноте люди, скорее всего нгомбанцы, принялись хлопать в ладоши, отбивая ритм. Все большее число гостей, ободренных то ли шампанским, то ли тем, что и их в темноте разглядеть было трудно, присоединилось к этому тяжеловесному сопровождению воинственного танца. Представление завершилось оглушающим грохотом.

Громобой произнес несколько пояснительных слов. Снова начали разносить шампанское.

Если не считать президента, Нгомбвана произвела на свет только одну знаменитость: певца, который был, строго говоря, басом, но обладал поразительным вокальным диапазоном, выходявшим за пределы четырех октав, по которым его голос разгуливал без малейших намеков на срывы или модуляции. Его настоящее имя, которого ни один европеец выговорить не мог, пришлось сократить до простенького «Карбо», под этим прозвищем он и приобрел мировую славу.

Ему-то и предстояло появиться сейчас перед публикой.

Он вышел из темноты бальной залы и встал перед экраном, освещенный сильным проектором: чернокожий мужчина в обычном смокинге, но с совершенно необычным выражением исключительности, сквозившим в его облике.

Все золотистые звезды, все огни в доме погасли. Лампочки оркестрантов были прикрыты темными абажурами. Гореть остался один-единственный фонарь, тот самый, на который так сетовал Гибсон – над президентом, – теперь только его и певца на другом краю озера удавалось различить в окутанном тьмой парке.

Оркестр сыграл вступительную фразу.

Одна-единственная глубокая, долгая нота невероятной красоты и силы поплыла над озером оттуда, где стоял певец.

Она еще висела в воздухе, когда откуда-то донесся звук, похожий на щелчок бича, и тут же в доме завизжала женщина и продолжала визжать не останавливаясь.

Свет в шатре погас.

То, что за этим последовало, походило на внезапно разразившуюся бурю: сумятица криков, отдельные взвизги, не столь неотвязные, как тот, что продолжал долетать из дома, начальственные вопли, грохот падающих кресел, плеск от чего-то или кого-то, свалившегося в озеро. Рука Аллейна на плече жены. Его голос: «Не двигайся, Трой. Оставайся на месте». Голос, который ни с чем нельзя было спутать, голос Громобоя, ревуший что-то на родном языке, вновь Аллейн: «Нет! Не надо!» Короткий гортанный вскрик совсем рядом, глухой удар. И следом многократные выкрики, заставившие вспомнить о короле и придворных в известной пьесе: «Огня! Огня! Огня!»

Огни появились: сначала в шатре, потом верхние, в парке. Они осветили гостей, в большинстве своем по-прежнему сидевших по берегам озера; впрочем, не меньшее их число, вскочив на ноги, что-то испуганно выкрикивало. Они осветили великого певца, неподвижно сто-

явшего в луче прожектора, и множество людей, с решительным видом поспешавших с разных сторон парка, – одни направлялись к шатру, другие к дому.

В самом же шатре Трой увидела лишь спины мужчин, сгрудившихся и заслонивших от нее мужа.

Отгертые на второй план женщины обменивались отрывистыми замечаниями.

Она услышала голос шурина, произнесший: «Только не паниковать. Сохраняйте спокойствие. Никакой паники», – и, несмотря на полную неразбериху, царившую в ее голове, подумала, что при всей разумности этого совета он, к сожалению, выглядит смехотворным.

Впрочем, наставления Джорджа вскоре были повторены, утратив при этом какую-либо смехотворность, крупным и крепким мужчиной, появившимся рядом с певцом.

– Леди и джентльмены, будьте добры сохранять тишину и не покидать своих мест, – сказал он, и Трой мгновенно различила в нем выучку Скотленд-Ярда.

Визжащую женщину повели куда-то в глубины дома. Впрочем, она больше не визжала, а тараторила что-то, истерично и неразборчиво. Голос ее удалялся и вскоре стих.

К этому времени крупный и крепкий мужчина уже входил в шатер. Люди, стоявшие перед Трой, расступились, и она увидела то, на что они все смотрели.

Затянутое в пышный мундир тело, раскинув руки, распростерлось лицом вниз на полу, пронзенное копьем с плюмажем из перьев. Там, где копье пробило небесно-синий китель, поблескивало темное пятно. Перья вблизи него отливали красным.

Рядом с телом стоял на коленях Аллейн.

Крупный мужчина, встав перед Трой, снова загородил от нее эту картину. Она услышала голос мужа:

– Людей отсюда лучше убрать.

Мгновение спустя Аллейн оказался с ней рядом и, взяв за руки, развернул в другую сторону.

– Все в порядке? – спросил он. – Да?

Трой кивнула и тут же очутилась в толпе вытесняемых из шатра гостей.

Когда гости ушли, Аллейн вернулся к пробитому копьем телу и вновь опустился около него на колени.

Он снизу вверх взглянул на коллег и слегка покачал головой.

Суперинтендант Гибсон пробормотал:

– Все-таки они это сделали!

– Не совсем, – отозвался Аллейн.

Он поднялся, люди, окружавшие тело, расступились. И за ними обнаружился Громобой, сидящий в кресле, которое не вполне походило на трон, тяжело дышащий и глядящий прямо перед собой.

– Это посол, – сказал Аллейн.

Глава 4

После катастрофы

1

Расследованию дела об убийстве в нгомбванском посольстве суждено было войти в анналы Скотленд-Ярда в качестве классического примера работы полиции. Движимый глухим гневом, Гибсон ухитрился – не без помощи Аллейна – за считанные минуты превратить сцену, на которой разыгралась трагедия, в подобие образцового пункта отбраковки скота. Быстрота, с которой он произвел эту операцию, была поистине замечательной.

Гостей, согнанных в бальную залу, «обрабатывали», как впоследствии выразился Гибсон, в смежной столовой. Здесь их подводили к устроенному на козлах столу, заставленному изысканными блюдами от «Костара и Кая», ныне сдвинутыми в сторону, чтобы освободить место для шестерых вытребованных из Ярда полицейских, которые, держа перед собой копии списка приглашенных, с присущим их профессии тактом проверяли имена и адреса.

Большую часть гостей отпускали восвояси через боковую дверь, за которой их поджидали машины. Небольшую группу очень вежливо попросили остаться.

Трой, подойдя к столу, обнаружила среди офицеров Ярда инспектора Фокса, всегдашнего помощника Аллейна. Фокс сидел последним в ряду полицейских, время от времени отводя от своего левого уха хвост затейливо разложенного на блюде холодного фазана. Подняв взгляд вверх стареньких очков и обнаружив перед собой Трой, он словно окаменел. Трой наклонилась к нему.

– Да, Братец Лис, это я, – промурлыкала она. – Миссис Р. Аллейн, Ридженси-Клоуз, 48, Юго-Запад, 3.

– С ума бы не сойти! – пожаловался своему списку Фокс и затем с трудом выдавил: – Как вы насчет того, чтобы поехать домой? Не против?

– Ничуть. У нас наемный автомобиль. Попросите кого-нибудь вызвать его. Заказан на имя Рори.

Инспектор Фокс вычеркнул ее имя из списка.

– Спасибо, мадам, – громко сказал он. – Мы вас не задерживаем.

Трой отправилась домой и, лишь попав туда, поняла, насколько она измотана.

Подтянутую до сей поры кверху ткань шатра опустили, снаружи поставили констеблей. Освещенный изнутри шатер сиял посреди темного парка, словно надувной шарик в алую и белую полоску. По стенам его двигались, вырастая и пропадая, искаженные тени. Внутри работали эксперты.

В маленькой комнатке, в обычное время служившей кабинетом посольскому кастеляну, Аллейн с Гибсоном пытались добиться от миссис Кокбурн-Монфор хотя бы одного вразумительного ответа.

Визжать она уже перестала, но, судя по выражению лица, могла в любую минуту начать сызнава. Лицо покрывали полоски туши, рот был приоткрыт, она то и дело дергала себя двумя пальцами за отвисшую нижнюю губу. Пообок стоял муж, полковник, держа нелепый в его руках пузырек с нюхательной солью.

Три женщины в лавандовых платьях, шапочках и элегантных передничках рядком сидели вдоль стены, словно дожидаясь, когда их выпустят на сцену, чтобы они исполнили какой-нибудь танец субреток. Та, что покрупнее, служила в полиции и носила чин сержанта.

За столом расположился еще один сержант, мужчина в форме, а на самом столе бочком сидел Аллейн, разглядывая миссис Кокбурн-Монфор. Рядом с ним, ухватив себя за нижнюю челюсть так, словно в ней сосредоточился весь его нуждавшийся в срочном усмирении крутой нрав, возвышался Гибсон.

Аллейн говорил:

– Миссис Кокбурн-Монфор, нам всем ужасно жаль, что приходится приставать к вам с вопросами, но дело действительно не терпит отлагательств. Итак. Я собираюсь повторить, насколько смогу, то, что вы нам, как мне представляется, рассказали, и, если я ошибусь, очень вас прошу, очень, прервите меня и укажите ошибку. Договорились?

– Ну же, Крисси, старушка, давай, – встрял ее муж. – Побольше мужества, Крисси. Все уже позади. На-ка!

Он протянул жене пузырек, но та, не взглянув, оттолкнула его руку.

– Вы, – продолжал Аллейн, – находились в дамской туалетной. Вы пришли сюда в то время, когда гости переходили из зала в парк, и собирались присоединиться к мужу уже в парке, перед началом концерта. Других гостей в туалетной не было, зато были вот эти леди, горничные. Правильно? Хорошо. Дальше. У вас возникла потребность воспользоваться одной из четырех кабинок, второй слева. Вы еще находились там, когда погас свет. Пока, стало быть, я все излагаю верно?

Полковничиха кивнула, переводя взгляд с Аллейна на мужа.

– Теперь следующий эпизод. Только постарайтесь изложить его по возможности четко. Что произошло после того, как погас свет?

– Я совершенно не понимаю, что тут произошло. Вернее – почему. Я же вам говорила. Я в самом деле думаю, – миссис Кокбурн-Монфор выдавливала из себя слова, будто зубную пасту из тюбика, – что могла лишиться рассудка. Я была так потрясена. Думала, что меня убьют. Правда, Хьюги...

– Ради бога, Крисси, соберись с духом. Никто же тебя не убил. Валяй дальше. Чем быстрее все расскажешь, тем быстрее мы уберемся отсюда.

– Ты такой черствый, – посетовала она и повернулась к Аллейну: – Правда? Он очень черствый.

Впрочем, после некоторого количества уговоров дама согласилась валять дальше.

– Я была еще там, – сказала она. – В уборной. Правда! Так все неловко вышло. Свет погас, но через окошко наверху снаружи проникали какие-то отблески. Я решила, что они связаны с представлением. Ну, вы знаете. Эти барабаны, танцы. Я знала, что ты будешь сердиться, Хьюги, дожидаясь меня снаружи, потому что концерт уже начался и вообще, но что тут можно было поделать?

– Да все в порядке. Все понимают, что ты съела что-то не то.

– Да, и тут они закончились – танцы и барабанный бой, – и... и я тоже закончила и уже собралась выходить, как вдруг дверь распахнулась и ударила меня. Очень сильно. По... по спине. И он меня схватил. За руку. Так грубо. И вышвырнул наружу. Я вся ободрана, дрожу, у меня шок, а вы меня здесь держите. Он меня так швырнул, что я упала. В туалетной. Там было гораздо темней, чем в уборной. Непроглядная тьма. И я лежала там, а снаружи хлопали в ладоши, а потом послышалась музыка и голос. Голос, может, и чудесный, но мне, лежавшей там, ушибленной, потрясенной, он показался завыванием погибшей души.

– Продолжайте, пожалуйста.

– И тут этот жуткий выстрел. Совсем рядом. Громыкнуло прямо в уборной. А за ним – секунды не прошло – он выскочил наружу и как пнет меня ногой.

– Ногой! Ты хочешь сказать, он намеренно...

– Он об меня споткнулся, – уточнила миссис Кокбурн-Монфор. – Чуть не упал, вот и вышло, что пнул. А я решила, что он и меня застрелит. Ну и, конечно, завизжала. Во весь голос.

– И что?

– И он удрал.

– А потом?

– А потом вбежали вот эти трое. – Она показала на горничных. – Рыскали там в темноте и тоже меня пинали. Случайно, конечно.

Три женщины шевельнулись на своих стульях.

– Откуда они появились?

– Да откуда мне знать! Хотя нет, я знаю, потому что слышала, как хлопнула дверь. Они были в других трех кабинках.

– Все трое?

Аллейн взглянул на женщину-сержанта:

– Итак?

– Мы хотели взглянуть на Карбо, сэр, – признала та. – Он был совсем рядом. Пел.

– И полагаю, вы, все трое, залезли на сиденья.

– Сэр.

– Попозже поговорим. Садитесь.

– Сэр.

– Ну хорошо, миссис Кокбурн-Монфор, что произошло следом за этим?

Оказалось, у кого-то нашелся фонарик, при свете которого они подняли миссис Кокбурн-Монфор на ноги.

– Фонарь был у вас? – спросил Аллейн женщину-сержанта. Та подтвердила, что да, у нее. Миссис Кокбурн-Монфор продолжала вопить, в парке и в доме слышался шум. Потом зажегся свет.

– И вот эта женщина, – миссис Кокбурн-Монфор показала на сержанта, – да-да, вот эта самая. Вы знаете, что она сделала?

– Видимо, хлопнула вас по щеке, чтобы вы замолчали.

– Да как она смела! После всего, что я пережила. Еще и орала на меня, приставала с вопросами. А потом имела наглость заявить, что не может век здесь торчать, и оставила меня на этих двух. Хотя, должна сказать, у них-то хватило такта дать мне таблетку аспирина.

– Очень этому рад, – учтиво отозвался Аллейн. – Теперь я задам вам вопрос, а вы постарайтесь ответить на него как можно точнее. У вас сохранилось какое-либо впечатление о внешнем облике этого мужчины? Все-таки некоторое количество отраженного света, проникавшего через окошки вверху, здесь было. Удалось ли вам увидеть его, хотя бы на миг?

– О да, – совершенно спокойным голосом сказала она. – Да, удалось. Это был черный.

– Вы в этом уверены? Уверены по-настоящему? – спросил Аллейн.

– Полностью. Я видела его голову на фоне окна.

– А это не мог быть, к примеру, белый человек в натянутом на голову чулке?

– Нет-нет. Мне кажется, чулок у него на голове и вправду был, хотя наверняка сказать не могу.

Она бросила взгляд на мужа и немного понизила голос.

– Кроме того, – сказала она, – я учуяла его запах. Если вы жили там, как мы, вы в этом не ошибетесь.

Муж ее что-то буркнул в подтверждение.

– Да? – поднял бровь Аллейн. – Насколько я знаю, мы производим на них такое же впечатление. Один мой друг, африканец, говорил мне, что прошел почти год, прежде чем он перестал впадать в полуобморочное состояние, оказываясь в лондонских лифтах под конец рабочего дня. – И прежде чем кто-либо успел вставить слово, продолжил: – Ну хорошо, тут появились наши люди, и я думаю, что начиная с этого момента мы вправе полагаться на их показания. – Он взглянул на Гибсона. – Вы не?..

– Нет, – сказал Гибсон. – Спасибо. Ничего. Мы отпечатаем изложение нашей недолгой беседы, мадам, и попросим вас просмотреть его и подписать, если оно вас устроит. Простите, что побеспокоили. – И добавил вполне предсказуемое: – Вы очень нам помогли.

Аллейну осталось только гадать, чего ему стоила эта рутинная вежливость.

Полковник, игнорируя Гибсона, отрывисто поинтересовался у Аллейна:

– Могу я наконец увести отсюда мою жену? Ей необходимо повидаться с доктором.

– Разумеется. Уводите. Как зовут вашего доктора, миссис Кокбурн-Монфор? Может быть, позвонить ему, попросить, чтобы подъехал к вам домой?

«Старушка» Крисси открыла было рот, но тут же закрыла, поскольку полковник произнес:

– Спасибо, не стоит беспокоиться. Приятного вечера вам всем.

Аллейн подождал, пока они доберутся до двери, и только тогда сказал:

– О, кстати. Не показалось ли вам, что на этом мужчине была какая-то форма? Или ливрея?

Последовала долгая пауза, после которой миссис Кокбурн-Монфор ответила:

– Боюсь, что нет. Нет. Понятия не имею.

– И опять-таки кстати, полковник. Это ваша нюхательная соль?

Полковник уставился на него словно на сумасшедшего, затем перевел бессмысленный взгляд на пузырек в своей руке.

– Моя? – удивился он. – За каким дьяволом мне нюхательная соль?

– Это моя, – высокомерно сообщила его жена. – Послушать вас, так можно подумать, будто мы по магазинам воруем. Нет, правда!

Она взяла мужа под руку и прижалась к нему, с презрением глядя на Аллейна.

– Этот чудной Уиппл-как-его-там, представляя вас, мог бы и предупредить, что вы ищейка. Пойдем, Хьюги, милый. – И с этими словами миссис Кокбурн-Монфор величаво покинула комнату.

2

Аллейну потребовались весь его такт, терпение и умение настоять на своем, чтобы заманить Громобоя в библиотеку, небольшую комнату на втором этаже. Когда президент оправился от потрясения – наверняка, думал Аллейн, куда более сильного, чем позволил себе показать, – он обнаружил явную склонность провести расследование на свой собственный манер.

Положение сложилось весьма щекотливое. С точки зрения закона посольство представляло собой территорию Нгомбваны. Гибсон с его Специальной службой оказался здесь по приглашению нгомбванского посла, так что определить, насколько далеко простирались их полномочия в нынешних, созданных смертью посла замысловатых обстоятельствах, было далеко не просто.

То же самое, хоть и по иным причинам, можно было сказать, думал Аллейн, о его, Аллейна, нахождении здесь. Специальная служба имела большую склонность обделывать свои дела без чужого догляда. Настроение Фреда Гибсона в данную минуту определялось смесью сдерживаемого из-за всех сил профессионального огорчения и личного унижения. В обычной ситуации он ни за что бы не начал расследование так, как теперь, а присутствие Аллейна в самом, так сказать, центре заповедной зоны деятельности Специальной службы придавало и без того деликатному положению почти гротескный оттенок. В частности, и потому, что случившееся убийство формально позволяло переложить груз ответственности на Аллейна, поскольку преступления подобного рода находились в ведении его отдела.

Гибсон разрубил этот узел, позвонив своему начальству и добившись, чтобы расследовать дело поручили ему и Аллейну вместе – разумеется, с согласия посольства. Однако Аллейн сознавал, что ситуация может в любую минуту стать еще более щекотливой.

– Похоже на то, – сказал Гибсон, – что мы можем продолжать, пока кто-нибудь нас не остановит. Таковы, во всяком случае, инструкции, которые я получил. Собственно говоря, и ты тоже, причем по трем причинам: твое начальство, твой отдел и личная просьба президента.

– Который желает теперь созвать всю свою челядь, включая копыеносца, и закатить перед ней пламенную речь на родном языке.

– Идиотская комедия, – буркнул Гибсон.

– Да, пожалуй, но раз он настаивает... Послушай, – оживился Аллейн, – возможно, дать им поговорить – это не такая уж и плохая идея при условии, что мы будем знать, о чем они говорят.

– Каким же это...

– Фред, допустим, мы позвоним мистеру Сэмюэлю Уипплстоуну и попросим его немедленно приехать сюда – ну, ты знаешь, «окажите нам любезность» и так далее. Стараясь не создавать впечатления, будто мы тащим его за шиворот.

– Зачем? – без энтузиазма спросил Гибсон.

– Он говорит по-нгомбвански. Живет в пяти минутах ходьбы отсюда, сейчас наверняка уже у себя. Каприкорн-Уок, дом один. Давай позвоним. В телефонном справочнике его, я думаю, еще нет, попробуйте через станцию, – посоветовал Аллейн взятому ими в помощники сержанту и, когда тот подошел к телефону, добавил: – Сэмюэль Уипплстоун. Пошлите за ним машину. Я сам с ним поговорю.

– Так в чем твоя идея? – без выражения поинтересовался Гибсон.

– Мы позволим президенту обратиться с речью к войскам, хотя что там «позволим», помешать мы ему все равно не можем, но по крайности будем знать все им сказанное.

– А сам-то он где, ради всего святого? Куда ты его запихал? – спросил Гибсон так, словно президент был пропавшим предметом домашнего обихода.

– В библиотеку. Он согласился посидеть там, пока я не вернусь. Надо поставить людей в коридоре, и пусть глядят в оба.

– Да уж как не глядеть! Если мы и впрямь имеем дело с неудавшимся покушением, наш общий друг должен сейчас охотиться за своей настоящей жертвой.

Сержант уже говорил по телефону.

– Суперинтендант Аллейн хотел бы сказать вам несколько слов, сэр.

В голосе мистера Уипплстоуна, как почудилось Аллейну, прорезалась нотка профессиональной сдержанности.

– Мой дорогой Аллейн, – начал он, – это чрезвычайно неприятное событие. Насколько я понял, посол стал... жертвой покушения?

– Да.

– Как это ужасно. Ничего худшего и представить себе невозможно.

– Если не считать гибели того, кому на самом деле предназначался удар.

– О... понимаю. Президента.

– Послушайте, Сэм... – Аллейн изложил свою просьбу.

– О боже, – произнес мистер Уипплстоун.

– Я понимаю, что прошу совсем не о мелочи. Что это, в сущности говоря, наглость с моей стороны. Но поиски нейтрального переводчика займут немалое время. Ни один из нгомбванцев тут не годится...

– Нет-нет-нет, конечно. Успокойся, Люси. Хорошо, я буду.

– Огромное спасибо. У дверей вас ждет машина. До встречи.

– Приедет? – спросил с надеждой Гибсон.

– Да. Сержант, сходите попросите мистера Фокса встретить его и привести сюда, хорошо? Светловолосый. Лет шестидесяти. В очках. Обходиться с чрезвычайной любезностью.

– Сэр.

И через несколько минут мистер Уиппстоун, сменивший фрак на поношенный смокинг, уже входил, осторожно переступая, в комнату, сопровождаемый инспектором Фоксом, которому Аллейн жестом велел остаться.

По-прежнему мрачный Гибсон захлопотал вокруг мистера Уиппстоуна:

– Сами знаете, как это бывает, сэр. Президент настаивает на том, чтобы обратиться к своим людям, а мы...

– Да-да, я вполне понимаю, мистер Гибсон. Вы в трудном положении. Скажите, могу я узнать подробности происшедшего? Конечно, переводчика это напрямую не касается, но... вкратце?

– Разумеется, можете, – ответил Аллейн. – Итак, вкратце. Кто-то произвел выстрел, который вы наверняка слышали. Судя по всему, из дамской уборной. От выстрела никто не пострадал, но, когда зажегся свет, оказалось, что посол лежит замертво на полу шатра, заколотый церемониальным нгомбванским копьем, которое все время носили за президентом. Копьеносец в этот миг сидел на корточках в нескольких шагах от него. Насколько мы поняли – он не говорит по-английски, – когда после выстрела все принялись метаться туда-сюда в темноте и вопить, кто-то рубанул его по шее и отнял копьё.

– Вы ему верите?

– Не знаю. Я был там, в шатре, вместе с Трой. Она сидела рядом с президентом, я рядом с ней. Когда раздался выстрел, я велел ей оставаться на месте и тут же увидел, как Громобой привстает, словно собираясь уйти. На миг он обозначился силуэтом на фоне экрана по ту сторону озера, залитого светом прожектора, направленного на Карбо. Я толкнул его назад в кресло, велел не шевелиться, а сам встал перед ним. Через долю секунды что-то рухнуло мне на ногу. Какой-то осел завопил, что президента застрелили. Сам Громобой вместе с другими кричал, требуя света. Свет зажегся – и мы увидели посла, буквально приколотого к земле.

– Значит, ошибка?

– Общее впечатление складывается такое – ошибка. Они были практически одного роста, сложены одинаково. Его ударили копьем в спину, а только со спины он и был виден на фоне освещенного экрана. И еще одно. Мой коллега сказал, что поставил двух своих людей у заднего выхода из шатра. После выстрела оттуда выскочил черный лакей. Они его сцапали, однако говорят, что малый был попросту перепуган. Так ведь, Фред?

– Так-то так, – подтвердил Гибсон. – Но беда в том, что, пока они разбирались, кто попался им в лапы, кто-то другой, вполне возможно, проскользнул в шатер – в такой-то чертовой темнотище, если вы простите мне подобные выражения, сэр.

– Кто-то другой? – удивленно переспросил мистер Уиппстоун.

– Вообще говоря, кто угодно, – развел руками Аллейн. – Гость, слуга, выбирайте кого хотите.

– И выбрался оттуда? После... случившегося?

– Опять-таки отдаленная возможность этого существует. А теперь, Уиппстоун, если вы не возражаете...

– Да, конечно.

– Где состоится собрание племени, Фред? Президент сказал – в бальной зале. Годится?

– Годится.

– Тогда переговори с ним и объясни, что к чему, а я взгляну, как подвигается дело в шатре, и вернусь к вам, хорошо? Ты не против?

– Ничуть.

– Фокс, вы не пройдете со мной?

Дорогой Аллейн сжато рассказал Фоксу о показаниях миссис Кокбурн-Монфор и о пистолетном выстреле, если это был пистолетный выстрел, повлекшем за собой кульминационную сцену в парке.

– Да, задачка не из простых, – угрюмо резюмировал Фокс.

В шатре они обнаружили двух полицейских в форме, дактилоскописта и фотографа – сержантов Бейли и Томпсона, – а с ними сэра Джеймса Куртиса, которого в прессе никогда не упоминали без уважительного примечания «прославленный патологоанатом». Сэр Джеймс уже закончил внешний осмотр тела. Копье, жуткое в его неуместности, по-прежнему торчало под углом к жертве, Томпсон как раз фотографировал его крупным планом. Неподдалеку валялся опрокинутый стул.

– Неплохо вы тут повеселились, Рори, – сказал сэр Джеймс.

– Копье прошло через сердце?

– Полагаю, да, а потом глубоко ушло в землю. Иначе бы не было такого окоченения. Похоже, после первого удара убийца еще приналег на копье, буквально пришпилив беднягу, как жука.

– Ужасно.

– Весьма.

– Закончили? – спросил Аллейн у выпрямившегося Томпсона. – Все сняли? Под всеми углами? Полный комплект?

– Да, сэр.

– Бейли, что насчет отпечатков?

Бейли, полицейский, главной чертой которого было редкостное упрямство, доложил, что он исследовал копье и обнаружил присутствие на древке всего одного набора отпечатков, да и те оказались смазаны. Он добавил, что камера может, конечно, выявить что-то невидимое глазу, однако у него нет на это особых надежд. Был измерен угол, под которым копье вошло в тело. Удар, сказал сэр Джеймс, нанесли сверху вниз.

– Что указывает на рослого мужчину, – прибавил он.

– Или на мужчину среднего роста, вставшего на стул, – предположил Аллейн.

– Да, возможно.

– Ладно, – распорядился Аллейн, – давайте вытащим эту штуку.

– Ну-ну, поработайте, – отозвался сэр Джеймс. Поработать действительно пришлось, причем работа оказалась не из приятных. В конце концов они прижали тело к земле и выдрали копье рывком, сопровождавшимся тошнотворными звуками и обильным истечением крови.

– Переверните его, – сказал Аллейн.

Глаза покойного были открыты, челюсть отвисла, обратив лицо посла в гротескную маску изумления. Входная рана была больше выходной. Коротко подстриженная трава намокла.

– Жуть, – коротко сказал Аллейн.

– Полагаю, мы можем забрать его с собой? – осведомился сэр Джеймс. – Я бы сразу провел вскрытие.

– Вот тут я не уверен. Мы ведь на земле Нгомбваны. Против машины из морга, пока она стоит вне посольства, им возразить нечего, однако не думаю, чтобы мы могли что-либо сделать с телом без их разрешения.

– О господи!

– У них могут иметься разного рода табу, обычаи, все что угодно.

– Ну что ж, – вздохнул далеко не обрадованный сэр Джеймс, – в таком случае я откланиваюсь. Если понадобится, дайте знать.

– Ситуация щекотлива настолько, что мы тут ходим, будто стадо дрожащих Агагов. А вот и Фред Гибсон.

Последний явился с сообщением, что президент распорядился перенести тело в бальную залу.

– Зачем? – удивился Аллейн.

– На эту их ассамблею или как ее там. Затем тело поднимут вверх. Президент хочет отправить его самолетом в Нгомбвану.

– Всего доброго, – сказал сэр Джеймс и покинул шатер.

Суперинтендант кивнул одному из констеблей, тот привел людей с носилками и покрывалом. И полномочный представитель Нгомбваны возвратился в свое посольство, избавленный наконец от столь тяготившей его ответственности.

Аллейн повернулся к констеблям:

– В шатре все должно сохраниться как есть. Один из вас остается на страже. – Затем к Фоксу: – Ну что, дружище, усвоили картину? Мы все находились здесь, дюжина людей, включая – только не удивляйтесь – и моего брата.

– Да неужели, мистер Аллейн? Какое совпадение.

– Если вы не против, Братец Лис, мы пока не будем прибегать к этому слову. Со дня моей увеселительной поездки в Нгомбвану я то и дело слышу его, такое постоянство начинает меня утомлять.

– Виноват, больше не повторится.

– Ничего, не страшно. Продолжим. Мы все находились здесь, расположившись клином, вершину которого изображал президент. Вот его кресло, а в этом, рядом с ним, сидела Трой. По другую сторону президента – посол. Копьеносец, в настоящее время пребывающий под присмотром в мужской гардеробной, застыл прямо за креслом своего господина. За нашими спинами располагались на козлах столы с напитками, а чуть ближе к нам вот этот опрокинутый стул, назначение которого мне непонятно. Задним входом в шатер пользовались слуги. Их было двое, тот, что покрупнее, – из посольской челяди, другой – румяный коренастый малый в ливрее «Костара». Оба были на виду, когда погас свет.

– И стало быть, – подытожил любивший раскладывать все по полочкам Фокс, – как только появился пресловутый Карбо, его осветил прожектор – его и экран за его спиной. И из глубины шатра, оттуда, где стоял этот умелец с копьем, всякий, кто оказался бы между ним и экраном, выглядел бы как зритель, запоздавший к началу фильма.

– Верно.

– А когда после выстрела вы не позволили президенту встать, посол-то как раз встал, ну и получил, если можно так выразиться, по шапке.

– Если можно так выразиться.

– Далее, – в обычной своей основательной манере продолжал Фокс. – Да. Выстрел. Стреляли, как уверяет упомянутая вами дама, из окна женской уборной. Оружия, насколько я понял, так и не нашли?

– Дайте срок.

– И подтвердить рассказ этой дамы о громадном черном негодяе, который пинал ее ногами, некому?

– Нет.

– Но негодяя-то хоть поймали?

– Исчез, подобно призракам без плоти.

– Именно так. И мы, следовательно, должны предположить, что, после того как он выстрелил и промахнулся, его соучастник – копьеносец или кто-то еще – доделал работу за него?

– Возможно, именно этого от нас и ждут. На мой взгляд, все это дурно пахнет. Не стану утверждать, что запах возносится до небес, однако он, безусловно, присутствует.

– Но тогда что же?..

– Меня не спрашивайте, Братец Лис. И все-таки намеренно или нет, но выстрел отвлек на себя всеобщее внимание.

– И когда зажегся свет?..

– Когда зажегся свет, президент сидел в своем кресле, в которое я его запихнул, а Трой сидела в своем. Как и другие две дамы. Тело лежало в трех футах слева от президента. Гости метались по всему шатру. Мой старший брат дрожащим голосом призывал их не паниковать. Копьеносец стоял на коленях, держась за шею. Стул был опрокинут. Слуги испарились.

– Вот теперь я и впрямь усвоил картину.

– Хорошо, тогда пошли. Совет племени, ритуальное сборище, общая сходка или вече, называйте его как хотите, но оно вот-вот начнется, а мы запаздываем.

Аллейн повернулся к Бейли и Томпсону:

– Пока мне вас, ребята, порадовать нечем, но если вам удастся отыскать что-нибудь покрупнее отпечатка женского пальца во второй налево кабинке дамской уборной, для меня это будет как бальзам в Галааде. Вперед, Фокс.

Однако у самого дома они столкнулись с разгневанным Гибсоном, сопровождаемым учтивым мистером Уиппстоуном.

– Что случилось, Фред? – поинтересовался Аллейн. – Опять дали трещину отношения между расами?

– Можно и так сказать, – признал Гибсон. – Он снова сует нам палки в колеса.

– Президент?

– А кто же еще? Он, видишь ли, не желает иметь дела ни с кем, кроме тебя.

– Вот старый пень.

– И пока ты не объявишься, из библиотеки он тоже не выйдет.

– Господи боже, какая еще муха его укусила?

– Сомневаюсь, чтобы он и сам это знал.

– Возможно, – решил вставить слово мистер Уиппстоун, – ему не по вкусу мое участие в предстоящей процедуре.

– Я бы так не сказал, сэр, – сокрушенно откликнулся Гибсон.

– Каким он все-таки бывает занудой, – посетовал Аллейн. – Ладно, я с ним поговорю. А что, новые хозяева Нгомбваны уже собрались в бальной зале?

– Угу. Поджидают самого главного, – ответил Гибсон.

– Какие-нибудь новости, Фред?

– Пока порадовать нечем. Я поговорил с нашим сержантом из женской уборной. Похоже, она действовала вполне расторопно – после того как покинула свое кресло в партере и привела в чувство миссис К.-М. Отыскала ближайшего из моих людей, передала ему всю информацию. Они устроили облаву на этого парня – безрезультатную, как мне доложили. Люди, стоявшие снаружи, утверждают, что из дома никто не выходил. И раз они так говорят, значит, так оно и есть. – Гибсон выпятил челюсть. – Мы начали поиски револьвера, если это был револьвер.

– Звук походил на пистолетный, – уточнил Аллейн. – Ну что ж, пойду в библиотеку – дергать льва за усы. Встретимся здесь. Мне страшно жаль, что приходится вас так мучить, Сэм.

– Мой дорогой друг, вам решительно не о чем жалеть. Боюсь, мне все это даже нравится, – успокоил суперинтенданта мистер Уиппстоун.

3

Аллейн и сам толком не знал, какого рода прием ожидает его у Громобоя и какую тактику ему следует избрать.

Впрочем, Громобой повел себя вполне традиционно. Он размашистым шагом приблизился к Аллейну и стиснул его ладони в своих.

– Ага! – взревел он. – Вот и ты наконец. Я рад. Теперь мы сможем покончить с этим делом.

– Боюсь, до окончания пока далеко.

– Только из-за ваших кляузных полицейских. И поверь, дорогой мой Рори, тебя я к этой категории не отношу.

– Вы очень добры, сэр.

– Сэр, сэр, опять этот вздор! Ну ладно. Не будем тратить время на пустяки. Я принял решение, и ты будешь первым, кто о нем услышит.

– Спасибо. С удовольствием.

– И хорошо. Стало быть, слушай. Я отлично понимаю, что твой смешной коллега – как его зовут?

– Гибсон? – подсказал Аллейн.

– Гибсон. Да, Гибсон. Я отлично понимаю, что достойный Гибсон с его оравой телохранителей и прочей публикой находится здесь по приглашению посла. Я прав?

– Безусловно.

– И опять-таки хорошо. Однако мой посол, как мы говаривали в «Давидсоне», перекинулся, и верховная власть в любом случае перешла ко мне. Так?

– Разумеется, так.

– Разумеется, так, – с огромным удовлетворением повторил Громобой. – Власть принадлежит мне, и я собираюсь ею воспользоваться. Была совершена попытка лишить меня жизни. Она провалилась, на что обречены все попытки подобного рода, это я уже объяснял тебе, когда ты так порадовал меня своим приездом в Нгомбвану.

– Объяснял.

– Тем не менее попытка имела место, – басил Громобой. – Убили моего посла, и это требует досконального выяснения всех обстоятельств.

– Тут я с тобой всецело согласен.

– Поэтому я собрал всех живущих в этом доме и намерен допросить их в соответствии с нашей исторически сложившейся демократической практикой. Нгомбванской, я имею в виду.

Аллейн, далеко не уверенный в том, что представляет собой эта практика, осторожно осведомился:

– Ты полагаешь, что виновный может находиться среди твоих домочадцев?

– Может быть, и нет. В таком случае... – Рокочущий голос внезапно стих.

– В таком случае? – подсказал Аллейн.

– В таком случае, дорогой мой, я рассчитываю на то, что ты и достойный Гибсон с тобой вместе поможете мне во всем разобраться.

Выходит, он уже распределил обязанности, подумал Аллейн. Громобой будет заниматься черными участниками событий, а он, Аллейн, и Скотленд-Ярд могут делать все, что им заблагорассудится, с белыми. Это и вправду приобретает сходство с вывернутым наизнанку апартеидом.

– Не мне тебе объяснять, – сказал Аллейн, – что наши официальные лица – на всех уровнях – очень озабочены случившимся. В особенности встревожена Специальная служба.

– Еще бы! – радостно произнес Громобой. – Понасажали громил под каждый куст, и на тебе!

– Ну хорошо. Очко в твою пользу.

– И все же, дорогой мой Рори, если убийца и вправду метил в меня, следует сказать, что я обязан жизнью тебе.

– Чушь.

– Ничуть не чушь. Простая логика. Ты толкнул меня в кресло, а бедняга посол тем временем размахивал руками и выглядел совершенно как я. Ну и – блям! Да-да-да. В этом случае

я обязан тебе жизнью. Я не пожелал бы оказаться в подобном долгу ни перед кем, кроме тебя, – перед тобой же я с охотой его признаю.

– Ничего подобного, – испытывая крайнее смущение, сказал Аллейн. – Вполне возможно, что мое вмешательство было просто-напросто проявлением бессмысленной и беспардонной настырности. – Он поколебался и в порыве вдохновения добавил: – Как говаривали мы в «Давидсоне». – И поскольку добавление имело явный успех, поспешил продолжить: – Если следовать твоим рассуждениям, ты можешь с таким же успехом заявить, что именно я повинен в смерти посла.

– Это, – откликнулся Громобой, – совсем другой коленкор.

– Скажи, – спросил Аллейн, – у тебя есть какая-либо теория насчет того пистолетного выстрела?

– А! – мгновенно откликнулся президент. – Пистолет! Так вы нашли оружие?

– Нет. Я назвал его пистолетом предположительно. Револьвер. Дробовик. Автоматическая винтовка. Все, что хочешь. С твоего разрешения мы поищем его.

– Где?

– Ну... в парке. В озере, например.

– В озере?

Аллейн коротко изложил ему рассказ миссис Кокбурн-Монфор. Громобой, как выяснилось, достаточно хорошо знал Кокбурн-Монфоров и даже работал с полковником в пору создания нгомбванской армии.

– Толковый был работник, – отметил Громобой, – но, к несчастью, начал попивать. А жена его попросту распустеха, как мы выражались когда-то.

– Она уверяет, что мужчина в уборной был черным.

Последовала долгая пауза.

– Если это так, я его найду, – наконец сказал президент.

– Дома он определенно не покидал. За всеми выходами наблюдали очень внимательно.

Если Громобой и ощутил соблазн отпустить еще одно замечание по поводу методов мистера Гибсона, то подавил его.

– А вообще-то это правда? – спросил он. – Я о метком стрелке. Он действительно стрелял в меня и промахнулся? У вас есть доказательства?

– У нас вообще нет доказательств чего бы то ни было. Скажи, ты доверяешь – абсолютно доверяешь своему копьеносцу?

– Абсолютно. Однако я допрошу его так, как если б не доверял.

– Ты не позволишь... мне очень неловко просить тебя – не позволишь мне поприсутствовать? На вашем собрании?

На миг ему померещилось, что Громобой намерен ответить отказом. Но нет, он взмахнул своей огромной лапицей.

– Конечно. Конечно. Но только, Рори, дорогой, ты же не поймешь ни единого слова.

– Ты знаешь Сэма Уиппистоуна? Из МИДа, он недавно ушел в отставку.

– Я знаю о нем. Разумеется. У него обширные связи в моей стране. Но до сегодняшнего вечера мы не встречались. Он был среди приглашенных. И сейчас где-то здесь ходит с твоим Гибсоном. Никак не пойму зачем.

– Это я попросил его прийти. Он свободно говорит на вашем языке, и он мой близкий друг. Ты не разрешишь ему посидеть среди вас вместе со мной? Я буду очень благодарен.

«На сей раз, – подумал Аллейн, – меня и вправду ожидает отповедь». Однако он снова ошибся, ибо после ничего хорошего не предвещавшего молчания Громобой сказал:

– Это не очень удобно. Люди, не занимающие официального положения, на расследования подобного рода не допускаются ни под каким видом. Да и разбирательства наши никогда не бывают публичными.

– Я даю тебе слово, что оно и на этот раз публичным не станет. Уиппистоун – сама скромность, я готов за него поручиться.

– Готов?

– И готов, и ручаюсь.

– И прекрасно, – решил Громобой. – Но только никаких Гибсонов.

– Договорились. И все же почему ты так взъелся на бедного Гибсона?

– Почему? Сам не знаю. Может быть, потому, что он такой здоровенный... – Огромный Громобой поразмыслил с минуту. – ...И такой бледный, – объявил он наконец. – Он очень бледный. Ну очень.

Аллейн сказал, что, по его сведениям, все обитатели дома уже собрались в бальной зале. Громобой ответил, что отправится напрямик туда.

Что-то в его повадке напомнило Аллейну театральную знаменитость, готовящуюся выйти на сцену.

– Как-то неловко получается, – задумчиво произнес Громобой. – В подобных случаях меня должен сопровождать мой посол и мой личный млинзи – телохранитель. Но поскольку один мертв, а другой, возможно, его убил, придется обойтись без них.

– Тяжелое положение.

– Так пошли?

По пути они миновали одного из людей Гибсона в ливрее «Костара». В холле их поджидал, терпеливо сидя в высоком кресле, мистер Уиппистоун. Громобой, явно решивший вести себя подобающим образом, обошелся с ним очень милостиво. Мистер Уиппистоун произнес несколько безупречно составленных соболезнований по поводу кончины посла; Громобой сообщил в ответ, что посол всегда тепло о нем отзывался и даже собирался пригласить его на чашку чаю.

Гибсона нигде видно не было, однако еще один из его людей украдкой передал Аллейну сложенный листок бумаги. Пока мистер Уиппистоун и Громобой продолжали обмениваться любезностями, Аллейн заглянул в записку.

«Нашли револьвер, – значилось в ней. – Увидимся позже».

4

Бальную залу заперли. Тяжелые шторы скрыли высокие окна. Мерцали шандалы, сверкали цветы. Лишь легкие ароматы шампанского, сандарака и сигаретного дыма указывали, что недавно здесь был праздник.

Бальная зала обратилась в Нгомбвану.

Группа нгомбванцев ожидала на дальнем конце огромного салона, там, где в красном алькове красовался воинственный трофей.

Людей набралось больше, чем ожидал Аллейн: мужчины во фраках, по-видимому игравшие в посольском хозяйстве важную роль, – кастелян, секретарь, помощники секретаря. Имелось также около дюжины мужчин в ливреях и столько же женщин в белых головных повязках и платьях, а на заднем плане топталась горстка младших слуг в белых же куртках. Место, занимаемое каждым из присутствующих, явно определялось его положением в домашней иерархии. В глубине возвышения выстроились, ожидая президента, его адъютанты. По сторонам образовали коридор вооруженные гвардейцы в полном церемониальном облачении: алые мундиры, белые килты, девственно-чистые гетры, мерцающее оружие.

Перед возвышением разместился массивный стол, на котором под львиной шкурой безошибочно угадывались очертания человеческого тела.

Аллейн и мистер Уиппистоун вошли в залу по пятам за Громобоем. Гвардейцы вытянулись в струнку, прочие замерли. Громобой медленно и величаво проследовал к возвышению.

Он отдал приказ, и невдалеке от погребального пьедестала поставили два стула. Громобой указал на них Аллейну и мистеру Уипплстоуну. Аллейн весьма и весьма предпочел бы неприметное стоячее место где-нибудь в задних рядах, но делать было нечего, пришлось сесть.

– Записывать мне, наверное, нельзя? – прошептал мистер Уипплстоун. – И говорить тоже.

– Придется запоминать.

– Вот так мило.

Громобой опустился в огромное кресло, уложил руки на подлокотники, выпрямился, приподнял подбородок, сдвинул ступни и колени – в общем, приобрел сходство с собственным изваянием. Глаза его, всегда отчасти налитые кровью, выкатились и вспыхнули, сверкнули зубы, он заговорил на языке, казалось, целиком состоящем из гласных, гортанных вскриков и щелчков. Голос его звучал столь раскатисто, что мистер Уипплстоун рискнул произнести, не открывая рта, два слова.

– Описывает случившееся, – сказал он.

Речь президента приобретала все больший напор. Он резко ударил ладонями по подлокотникам кресла. У Аллейна возникло впечатление, возможно обманчивое, что напряжение в зале еще возросло. Пауза, затем – вне всяких сомнений – приказ.

– Тот, с копьем, – на манер чревовещателя сообщил мистер Уипплстоун. – Привести.

Двое гвардейцев щеголевато вытянулись, промаршировали навстречу друг другу, откозыряли, развернулись и тем же парадным шагом вышли вон. Наступила полная тишина. Отдельные звуки доносились только снаружи. Люди Гибсона, разумеется, и один раз почти наверняка голос самого Гибсона.

Когда тишина стала без малого невыносимой, гвардейцы вернулись, приведя с собой копыеносца.

Он так и не снял ритуального наряда. Ножные и ручные браслеты его поблескивали на свету, посверкивало черное тело, черные руки и ноги. «Впрочем, нет, – подумал Аллейн, – не совсем черные. Если бы Трой написала его, он оказался бы каким угодно, только не черным, – синеватым, чернильным, лиловым, даже красным там, где на тело ложатся рефлекс от ковра и от стен». Копыеносец лоснился. Коротко остриженная голова сидела на стопке шейных колец, будто огромный кусок эбенового мрамора. Львиная шкура облекала его почти как льва. Аллейну бросилось в глаза, что правую руку он держит присогнутой, словно бы просунутой в повязку.

Держась между гвардейцами, он приблизился к столу. Здесь гвардейцы его и оставили – наедине с покойным послем и его президентом, достаточно близко от Аллейна и мистера Уипплстоуна, чтобы они могли ощутить запах масла, которым копыеносец натер свое тело.

Начался допрос. О чем идет речь, Аллейн по большей части догадаться не мог. Двое мужчин говорили очень негромко. Время от времени вспыхивали глаза и зубы, однако мощные голоса обоих оставались приглушенными и оба сохраняли почти полную неподвижность, пока копыеносец вдруг не ударил себя по основанию шеи.

– Рубящий удар, – выдохнул мистер Уипплстоун. – Карате. Вроде того.

Следом наступила пауза, а затем, к большому удивлению и неудовольствию Аллейна, Громобой заговорил, обращаясь к нему, хотя все еще по-нгомбвански. Речь была недолгой, и, закончив ее, Громобой кивнул мистеру Уипплстоуну. Тот откашлялся.

– Президент, – сказал он, – приказал мне спросить у вас, не могли бы вы рассказать о том, что сами видели в шатре. Он также приказал мне перевести ваш рассказ, поскольку ему угодно, чтобы разбирательство происходило на нгомбванском языке.

Оба встали. Аллейн дал показания, Громобой делал вид, что не понимает ни единого слова, мистер Уипплстоун переводил.

Под конец этой трудоемкой процедуры Аллейну был задан вопрос, не сложилось ли у него после обнаружения тела впечатления, что копыеносец также был ранен.

Глядя на великолепное, возвышавшееся здесь словно скала существо, трудно было представить, что удар по сонной артерии – да собственно говоря, по чему бы то ни было – способен причинить ему хоть малейшее неудобство.

– Он стоял на коленях, – пояснил Аллейн, – прижав правую руку к месту, на которое только что указал. Голова его свисала, левый кулак был стиснут, плечи обмякли. Судя по всему, его мучила сильная боль.

– Что произошло потом? – перевел мистер Уиппстоун.

Аллейн подавил вспыхнувшее было желание напомнить Громобой, что тот и сам там был, да уж заодно сказать, чтобы перестал валять дурака и говорил по-английски.

Однако ответил:

– Возникла некоторая неразбериха. Ее пресек... – он взглянул Громобой в лицо, – президент, по-нгомбански обратившийся к копыеносцу, который то ли утверждал, то ли отрицал что-то в ответ. Затем появились пятеро офицеров Специальной службы Скотленд-Ярда с двумя гвардейцами президента, стоявшими на посту снаружи шатра. Копыеносца увели в дом.

Снова заговорил мистер Уиппстоун.

Следом Громобой пожелал узнать, удалось ли полиции обнаружить какие-либо улики при осмотре копья. Аллейн ответил, что пока не получил сведений этого рода.

На чем допрос, если его можно так назвать, по-видимому, завершился, и Аллейн сел.

Помолчав некоторое время (Аллейн успел прийти к выводу, что нгомбанцы, похоже, народ отнюдь не разговорчивый), Громобой встал.

Трудно было бы сказать, отчего атмосфера в зале, и так уж далеко не расслабляющая, сгустилась теперь едва ли не до звона в ушах. Произошло же следующее: президент указал на импровизированный катафалк и явно отдал некий приказ.

Копыеносец, сохраняя внешнюю невозмутимость, мгновенно протянул левую руку (правая так и осталась на груди) и отдернул покрывало. Взорам присутствующих предстал посол – открытый рот, выпученные глаза, он словно восклицал нечто такое, чего нельзя было разобрать.

Положив руку на тело, копыеносец произнес отчетливую краткую фразу. Президент ответил ему еще более краткой. Львиная мантия вновь укрыла посла, и церемония – собрания, суда, чем бы оно ни было, – завершилась. На всем ее протяжении Громобой ни разу не взглянул на Аллейна.

Теперь президент произнес, обращаясь к своим землякам, несколько страстных слов. Мистер Уиппстоун краем рта прошептал, что тот приказывает каждому, кто знает что-нибудь, пусть даже самый пустяк, имеющий отношение к случившемуся, немедленно сообщить о нем. Этот призыв был встречен полным молчанием. Последние фразы, сказанные президентом, сводились к тому, что отныне он сам распоряжается в посольстве. Сообщив об этом, он покинул залу. Адьютанты последовали за ним, лишь тот, с которым Аллейн был знаком, приостановился сказать, что президент зовет Аллейна в библиотеку.

– Я приду через десять минут, – кивнул Аллейн. – Будьте любезны, передайте президенту мои поздравления.

Адьютант вытаращил глаза, произнес: «Но...» – однако передумал и пошел вслед за своим господином.

– Лихо вы его, – чуть заметно усмехнулся мистер Уиппстоун.

– Ничего, проглотит. Мне нужно перемолвиться с Гибсоном. Пойдемте.

Угрюмый Гибсон поджидал их в обществе Фокса на временном командном пункте – в комнатке кастеляна. На столе поверх расстеленного влажного носового платка лежало оружие. Вокруг суетились со своим инвентарем Томпсон и Бейли.

– Где? – спросил Аллейн.

– В озере. Пошарили там с фонарем. Дно у него из голубой плитки, на ней эта штука и лежала. Немного в стороне от уборной, футах в трех от берега.

– Его вполне могли забросить туда из окошка дамской уборной.

– Согласен.

– На нем что-нибудь есть? – спросил Аллейн у Бейли.

– Ничем не могу порадовать, сэр. Перчатки, я полагаю.

– «Люгер», – определил Аллейн.

– В Нгомбване такой раздобыть нетрудно, – вставил мистер Уиппистоун.

– Знаете, – припомнил Аллейн, – почти сразу после выстрела я слышал, как что-то плюхнулось в воду. За долю секунды до того, как поднялся крик.

– Да, – рассудительно произнес Фокс, – не самый разумный образ действий. С какой стороны ни взгляни. – Он тяжело вздохнул и добавил: – Впрочем, так они себя обычно и ведут.

– Кто «они», Братец Лис?

– Политические убийцы, непрофессионалы. Занятные, судя по всему, ребята.

– Тут вы чертовски правы, инспектор, – сказал Гибсон и, повернувшись к Аллейну, прибавил: – Я полагаю, мы можем сохранить «люгер» у себя.

– При нынешних обстоятельствах нам повезет, если мы сможем сохранить здравый рассудок. Будь я проклят, Фред, если знаю. По мне, так эта история все больше отдает балаганом.

– Звонил твой заместитель комиссара.

– А ему-то что еще нужно?

– Сообщил, что сюда едет помощник комиссара, вроде как принести президенту соболезнования. А меня, – свирепея, продолжал Гибсон, – осчастливить несколькими полезными советами и поздравить с успешным проведением операции. О господи!

И он повернулся к коллегам спиной.

Аллейн и Фокс обменялись взглядами.

– Большого ты все равно сделать не мог, – после мгновенной заминки сказал Аллейн. – В таких условиях никому не удалось бы обеспечить лучшее прикрытие.

– Да? А эта дурища сержант в сортире?

– Ладно, пусть. Но если миссис Кокбурн-Монфор не врет, сержант все равно не смогла бы остановить в темноте этого малого, где бы она ни находилась.

– Я же им говорил. Говорил этим придуркам, не гасите свет.

– С другой стороны, – с присущей ему рассудительностью произнес Фокс, – главное-то все равно сделал не тот, кто стрелял. Существует же и эта сторона дела, мистер Гибсон, не правда ли?

На это Гибсон не ответил. Он повернулся лицом к ним и сказал Аллейну:

– Нам нужно выяснить, сможет ли президент повидаться с помощником комиссара.

– Когда?

– Он едет из Кента. Примерно через час.

– Я спрошу, – откликнулся Аллейн и обратился к мистеру Уиппистоуну: – Сказать не могу, Сэм, до чего я вам обязан. Если не трудно, не могли бы вы написать что-то вроде отчета об этой черной – во всех смыслах слова – комедии, пока ваши впечатления не утратили свежести? Я должен еще раз навестить великого бея в библиотеке.

– Ну конечно, – кивнул мистер Уиппистоун. – С удовольствием.

Он уселся перед листом бумаги и мгновенно приобрел выражение, с каким сживал за столом в своем не лишенном изысканности рабочем кабинете, взирая на уважительно ждущую распоряжений секретаршу.

– Ну, Фред, какие у нас еще неприятности? – невесело улыбнулся Аллейн. Этот его традиционный вопрос был известен в Ярде едва ли не каждому.

– Нас все еще ожидает та публика из шатра. За вычетом тех, кому явно нечего было рассказать. И миссис Аллейн, – с некоторой неловкостью добавил Гибсон. – Ее мы, конечно, отпустили.

– Ее я и дома успею потрясти.

– И там... э-э... – еще более неловко продолжал Гибсон, – ну... в общем, твой брат.

– Как?! – воскликнул Аллейн. – Мой Джордж! Ты хочешь сказать, что Джордж так и сидит на своем толстом заду, дожидаясь, когда за него примутся свирепые полицейские?

– Ну... я...

– Миссис Аллейн и сэр Джордж, – мечтательно проговорил Фокс. – А что до совпадений, то о них нам упоминать запретили.

– Старина Джордж, – задумчиво повторил Аллейн. – Ну не потеха ли? Фокс, снимите показания с этой компании. Включая и Джорджа. Я пойду охмурять Громобоя. А ты чем займешься, Фред?

– Обычной рутинной, чем же еще. Ссуди мне этих двоих. – Он указал на Томпсона и Бейли. – Нужно поработать в дамской уборной. Особо надеяться там не на что. Но ведь бродит же где-то по дому хозяин «люгера». Мы, разумеется, ищем пулю, однако это та еще работенка. Ладно, увидимся, – угрюмо добавил он и вышел.

– Ну что же, займитесь уборной, – сказал Аллейн Бейли и Томпсону и отправился в библиотеку.

5

– Послушай, – говорил Аллейн, – дело обстоит следующим образом. Ты – ваше превосходительство то есть – можете, как вам, разумеется, известно, приказать нам выйти вон, как только сочтете это нужным. Что касается расследования внутри посольства, мы можем обратиться в *personna pop grata* с такой быстротой, что и моргнуть не успеем, и как таковым нам придется ограничить нашу деятельность, о которой ты, вне всяких сомнений, составил весьма низкое мнение, заботами о твоей безопасности в тех случаях, когда ты будешь покидать пределы посольства. Все очень просто, вопрос только в том, желаешь ли ты, чтобы мы продолжали работать, или предпочитаешь, чтобы мы испарились. Сюда едет полковник Синклер, помощник комиссара столичной полиции. Он надеется повидаться с тобой. Он, разумеется, выразит тебе глубокие соболезнования, но ситуацию в целом изложит примерно так же, как изложил ее я.

Впервые со времени возобновления их знакомства Аллейн заметил в поведении Громобоя некоторую неуверенность. Он собрался что-то сказать, однако сдержался, с мгновение пристально вглядывался в Аллейна, а затем принялся расхаживать по библиотеке широким шагом, и впрямь приводящим на ум затертую фразу о мечущейся по клетке пантере.

Наконец Громобой остановился перед Аллейном и схватил его за руку.

– Что ты думаешь о нашем расследовании? – требовательно спросил он. – Скажи.

– Очень впечатляюще, – немедленно отозвался Аллейн.

– Да? Тебе так показалось? Однако ты находишь странным, что я, кормившийся профессией барристера, счел нужным устроить подобное представление? В конце концов, это мало напоминает расследование, проводимое британским коронером.

– Пожалуй, сходство в глаза не бросается. Что нет, то нет.

– Совсем нет. И все же, дорогой мой Рори, мне удалось выяснить гораздо больше того, что смог бы установить ваш высокоуважаемый суд.

– Да? – вежливо спросил Аллейн. И, чуть улыбувшись, добавил: – А не могу ли я узнать, что именно выяснило ваше превосходительство?

– Мое превосходительство выяснило, что мой «икуки мту мвеньи» – мой млинзи, мой копыеносец – говорит правду.

– Понятно.

– Ты немногословен. Не хочешь знать, как я это установил?

– Если ты сочтешь возможным мне рассказать.

– Я, – объявил Громобой, – сын верховного вождя. Мой отец, мой дед, прадед и так далее до самого начала времен – все были верховными вождями. Если бы этот человек, поклявшийся защищать меня, был убийцей ни в чем не повинного, преданного мне слуги, он не смог бы раскрыть передо мной тело и заявить о своей невинности. Это попросту невозможно.

– Понимаю.

– Ты скажешь мне, что английский суд подобного доказательства не примет.

– Я бы сказал, что он способен его принять. Хороший, красноречивый адвокат мог бы склонить его к этому. Суд принял бы его как доказательство невинности *ipso facto*¹⁷. Впрочем, ты знаешь это не хуже меня.

– Ты мне вот что скажи. Для меня это важно. Ты веришь тому, что я говорю?

– Я думаю, – медленно произнес Аллейн, – что ты знаешь свой народ. Ты сам уверял меня в этом. Да. Я не уверен, но склоняюсь к тому, чтобы поверить в твою правоту.

– Ага! – обрадовался Громобой. – Стало быть, наши с тобой отношения не изменились. Это хорошо.

– Но я хочу, чтобы ты ясно понимал одно – так я думаю или этак, это не влияет на мое поведение в ходе следствия ни в посольстве, коли ты нас отсюда не выставишь, ни за его пределами. Если мы найдем убедительные улики против этого человека, мы будем руководствоваться ими.

– Как бы там ни было, – сказал Громобой, – преступление совершено в пределах посольства, то есть на территории нашей страны, так что английское правосудие на него не распространяется.

– Нет. В данном случае, что бы мы ни обнаружили, наши находки будут представлять лишь отвлеченный интерес. Его просто вышлют.

– А тот человек, который стрелял в женской уборной из немецкого оружия? Ты говорил, что он тоже черный.

– Это миссис Кокбурн-Монфор так говорила.

– Глупая женщина.

– Я бы сказал – в терпимых пределах.

– Ее мужу следовало бы временами поколачивать ее и не выпускать из дому, – произнес Громобой и разразился раскатистым смехом.

– Скажи, если я начну сейчас расспрашивать тебя о после, ты не очень расстроишься? Он тебе нравился? Был близким тебе человеком? Такие примерно вопросы.

Громобой провел по губам огромной ладонью, издал грудной, рокочущий звук и присел.

– Мне трудно на них ответить, – сказал он наконец. – Что он был за человек? Как мы когда-то выражались – хлопотун. По вашим английским понятиям он поднялся наверх из низов. Из крестьян. Одно время доставлял мне немало забот. Воображал, будто ему удастся совершить государственный переворот. Все это было довольно смешно. У него имелись определенные административные способности, но никакого умения властвовать. Вот такой он был человек.

Оставив без внимания этот пример нгомбванского снобизма, Аллейн заметил, что способностями посол, видимо, обладал немалыми, раз сумел достичь столь высокого положения.

¹⁷ В силу факта (*лат.*).

Громобой уступчиво махнул рукой и заявил, что его продвижению способствовали общие тенденции развития страны.

– Враги у него были?

– Рори, дорогой мой, в зарождающейся нации, такой, как наша, у каждого, кто состоит при власти, имеются враги. Впрочем, никого определенного я назвать не могу.

– Его очень беспокоила твоя безопасность во время визита, – сказал Аллейн, на что Громобой прореагировал не совсем понятно:

– Да? Ты так считаешь?

– Да. Он звонил мне и Гибсону в среднем по два раза на день.

– Вот тоска-то, – в лучшей школьной манере произнес Громобой.

– Особенно его волновал концерт в саду и гаснущий свет. Как, собственно, и нас.

– Он вечно суетился по пустякам, – развел ручищами Громобой.

– Однако, черт побери, у него, как теперь выяснилось, были на то основания.

Громобой поджал крупные губы так, что они стали походить на две тутовые ягоды, и приподнял брови.

– Да, пожалуй.

– Как-никак его убили.

– Тоже верно, – признал Громобой.

Никто не сравнится с негром в умении придать себе скучающий вид. Веки Громобоя почти сомкнулись, оставив приметными лишь две узенькие прорези, в которых сквозили белки глаз, губы обвисли, голова склонилась на грудь. Казалось, все тело его поникло. По всему было видно, что Громобой томится, и Аллейн, помнивший эту его манеру по прежним годам, сказал:

– Ну бог с ним, не буду отнимать у тебя время. Нам все же нужно прояснить две вещи: во-первых, ты примешь помощника комиссара, когда он приедет?

– Разумеется, – не открывая глаз, пророкотал Громобой.

– И во-вторых. Ты по-прежнему не возражаешь против работы уголовной полиции внутри посольства или предпочитаешь, чтобы мы убрались отсюда? Решать, разумеется, вашему превосходительству, но мы были бы рады услышать что-то определенное.

Громобой открыл чуть налитые кровью глаза и прямо взглянул в лицо Аллейна.

– Оставайтесь, – сказал он.

В дверь негромко стукнули, вошел Гибсон – большой, бледный, явно готовый к тому, что придется оправдываться.

– Я прошу прощения, сэр, – обратился он к президенту. – Приехал полковник Синклер, помощник комиссара. Он надеется, что вы его примете.

Громобой, не взглянув на Гибсона, распорядился:

– Скажите моему конюшему, пусть проводит его сюда.

Аллейн направился к двери. Он успел заметить поданный ему Гибсоном знак – обнаружилось что-то новое и, видимо, важное.

– Не уходи, Рори, – попросил Громобой.

– Боюсь, что придется, – ответил Аллейн.

В коридоре его поджидал мистер Уиппстоун, взволнованно теребящий галстук.

– Что такое? – чуть склонился к нему Аллейн.

– Оно, может, и не важно, – начал Гибсон. – Я тут побеседовал с человеком «Костара», который прислуживал в шатре.

– Коренастый, крепко сбитый, светловолосый?

– Он самый. Фамилия Чабб, – сказал Гибсон.

– Увы, – прибавил мистер Уиппстоун.

Глава 5

После полуночи

1

Чабб стоял более-менее навтыжку, глядя прямо перед собой и прижав руки к бокам. Скромная ливрея «Костара и Кая» – кургузая темно-синяя куртка в обтяжку и брюки с золотистой эмблемой – очень ему шла. Коротко постриженные светлые волосы были аккуратно причесаны, румяная кожа уроженца одного из западных графств и голубые глаза придавали ему вид человека, проводящего много времени под открытым небом. Он так и не снял белых перчаток.

Аллейн согласился с мистером Уиппистоуном, что последнему лучше не присутствовать при допросе.

– Хотя, – заметил Аллейн, – у нас нет оснований полагать, что Чабб более тесно связан с происшедшим, чем мой глупый братец Джордж.

– Я знаю, знаю, – покивал мистер Уиппистоун. – Конечно. Просто я предпочел бы, хоть это и нелогично, и глупо, чтобы Чабб вообще не прислуживал в этом несчастном шатре. Точно так же, как предпочел бы, чтобы он не подрабатывал у Шеридана и кошмарных Монфоров. Да и выглядел бы я там по меньшей мере странно, правда? Если не глупо. Пусть все идет, как идет.

Так что с Чаббом в кабинетике кастеляна оказались лишь Аллейн и неизвестный нам по имени сержант.

– Я должен быть уверен, что понял вас правильно, – начал суперинтендант. – Вы выходили из шатра и возвращались обратно, разнося шампанское, которое брали из ящика со льдом, стоявшего снаружи. Тем же самым занимался один из посольских лакеев. Он обслуживал президента и тех, кто сидел рядом с ним, так? Я помню, он подошел ко мне и моей жене, едва мы уселись.

– Сэр, – откликнулся Чабб.

– А вы занимались остальными гостями.

– Сэр.

– Хорошо. Так вот, Чабб, мы продержали вас здесь столько времени в надежде, что вы поможете нам разобраться в том, что случилось в шатре.

– Ничем не могу помочь, сэр. Я ничего особенного не заметил, сэр.

– Значит, нас уже двое, – сказал Аллейн. – Все произошло так, будто гром грянул с ясного неба, верно? Вы находились внутри шатра, когда погас свет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.